

A forensic scene on a white surface. A large, dark red blood splatter is the central focus. To its left, three bullet holes are visible, each with a dark, irregular shape inside. Below the blood splatter, a black bullet casing lies horizontally. To the right of the blood splatter, another bullet casing is positioned vertically. A red fingerprint is visible on the left side of the scene. In the bottom right corner, a small, circular metallic object, possibly a bullet casing, is partially visible. A circular badge with the text '16+' is located in the top right corner.

16+

Андрей Белоус

Гастроль в мёртвый сезон 2

Стреляющие горы

Андрей Белоус

**Гастроль в мертвый сезон.
Книга вторая. Стреляющие горы**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Белоус А. К.

Гастроль в мертвый сезон. Книга вторая. Стреляющие горы /
А. К. Белоус — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В жизни каждому хотя бы однажды приходилось принимать непростые решения. Но далеко не каждый раз, на кону при этом стоит сама жизнь. Когда альтернативой легкой смерти является участь, полная боли и страданий. Посвященная непрерывной борьбе за выживание, в которой у тебя нет союзников. И тогда не остается ничего иного, кроме как сделать целью жизни сам процесс борьбы. Наслаждаясь каждым мгновением бытия, даже когда судьба балансирует на лезвии ножа. Безропотно принимая очередной удар судьбы, как бесценный опыт, способный указать единственно верный путь посреди бескрайних барханов времен.

Пролог

В час, когда огненный диск солнца касается края горизонта, пустыня выглядит особенно зловеще. Впрочем, и в другое время эти проклятые пески Египта особой привлекательностью похвастать не могут. Их мрачный коричнево-красный окрас не идет ни в какое сравнение с белоснежным цветом песчаных пляжей родной Флориды. Ведь если при одной мысли об этих милых сердцу местах, душа наполнялась теплотой и нежностью, то от одного только вида этой забытой Богом пустыни сердце сжимало ощущение необъяснимой тревоги.

Притом, что Мартина Санчес являлась далеко не новобранцем, для которых пребывание в боевых условиях порой оборачивалось сильнейшим стрессом. Чего только стоит год, проведенный в составе ограниченного контингента в Афганистане. Где ей довелось защищать устои демократии, которые принесла на эти земли ее великая нация. Вот только гребаные аборигены по своему скудоумию не смогли оценить столь ценного дара, то и дело, норовя выстрелить в спину при каждом удобном случае.

Поэтому, каждый выход в город напоминал спецоперацию, на которую их подразделение выдвигалось в составе целой кавалькады бронированной техники, при поддержке штурмовых вертолетов. В результате большую часть своего пребывания в Афганистане Мартине пришлось провести за высоким бетонным забором, сплошной стеной окружавшим их базу. А неся службу на оборудованных пуленепробиваемыми стеклами наблюдательных вышках, поставить туземцев на место особого труда не составляло. Попросту открывая огонь из пулемета по всякому, кто неосмотрительно нарушал запретную зону вокруг территории базы.

Сейчас все было иначе, хотя-бы потому, что здесь Санчес впервые довелось столкнуться с противником лицом к лицу. Первый же день пребывания на этой выжженной солнцем земле стал для Мартины самым большим потрясением всей ее жизни. Казалось бы, что может противопоставить их непобедимой армии, оснащенной самым сверхсовременным вооружением, эта жалкая кучка фанатиков. Многие из них были ранены, только не смотря на то, что драться им приходилось практически голыми руками, они раз за разом оказывали самое ожесточенное сопротивление.

Потери были просто ужасающие. Многие из сослуживцев Мартины, не выдерживая происходящего вокруг кошмара, сходили с ума, или попросту отказывались идти в бой. Если бы не авиация, в конечном счете, срывающая весь этот паршивый городишко с землей, сложно представить, что осталось от их формирования к концу операции по его захвату. О том, что в это время в городе находилось множество мирных жителей, Мартина старалась не думать. Потому как, прежде всего, являлась истинным патриотом своей страны. Свято веря в великую миссию, возложенную небесами на ту исключительную часть человечества, представителем которой довелось являться и ей самой.

А на этом трудном пути неизбежны жертвы, и десятки ее боевых товарищей, отправленных домой в гробах, накрытых звездно-полосатым флагом, являлись лучшим тому подтверждением. В отличие от множества таких же “латинос”, как и она, служивших с целью получения гражданства, Санчес и без того являлась полноправным гражданином США. Поэтому пошла в армию исключительно из идейных соображений. И только несокрушимая вера в неопределимые размеры вклада ее страны в дело борьбы с международным терроризмом помогли ей не сломаться. Однако, с этого дня, в душе Мартины, не ведавшей доселе сомнений, поселился страх.

И что самое ужасное, что это был страх не чего-то конкретного, а того, что Санчес и сама не могла толком объяснить. Словно кто-то постоянно целится тебе в спину, и ты никак не в силах избавиться от этого навязчивого чувства. Не помогли даже сильнейшие психотропные препараты, во время боевых действий имевшиеся в распоряжении каждого санинструктора. Вернее, помогли, но только на время. Зато когда их действие заканчивалось, страх наваливался с новой силой, лишая воли, и возможности рассуждать здраво. Поэтому, отказавшись от их дальнейшего приема, Мартина решила обратиться к старому и проверенному способу.

Каждый раз после несения дежурства, попросту напиваясь в компании сослуживцев, как и она, пытавшихся утихомирить своих внутренних демонов.

Когда появился этот автобус, ее смена подходила к концу. И Санчес уже предвкушала, что вскоре сможет снять накопившееся за день напряжение за бутылочкой виски. Однако, столь неординарное событие быстро всполошило всю базу. Что могло означать появление в районе боевых действий туристического автобуса, было трудно даже предположить. На атаку со стороны террористов происходящее походило мало. Впрочем, не исключено, что автобус набит взрывчаткой, а за его рулем сидит смертник. Вот только в таком случае, приблизившись к блокпосту, автомобиль должен был разогнаться до максимального предела.

Вместо этого автобус снизил скорость, и последний километр до поста двигался предельно медленно, демонстрируя полное отсутствие каких-либо агрессивных намерений. Чему немало способствовали несколько белых полотнищ, высунутых из его окон на манер флагов. К тому времени поднятый по тревоге контингент базы занял места на позициях, обращенных в сторону дороги. Наблюдая за происходящим через прицелы автоматов, все с напряжением ожидали, чем закончится столь необычное происшествие. Санчес находилась на своей штатной позиции, расположенной чуть в стороне от въезда, что позволяло ей видеть происходящее во всех подробностях.

Когда автобус приблизился к блокпосту метров на сто, по приказу сержанта с вышки ударил крупнокалиберный пулемет, проложив курсор попаданий поперек дороги, в десятке метров от передних колес автобуса. Что может обозначать данное действие, водитель понял без слов, послушно остановив автобус точно в указанном месте. Относительно Санчес автобус был обращен своей “глухой стороной”, и его входную дверь ей видно не было. Но и того, что удалось разглядеть, было достаточно, чтобы заставить сердце Мартины забиться еще быстрее.

Помимо высунутых из окон белых полотнищ, ей удалось разглядеть одно, сразу приковавшее к себе все ее внимание. Судя по всему, это была футболка, и изображение на ней не могло оставить ее равнодушной. На одной стороне был изображен триколор, не оставлявший сомнений в его принадлежности. А благодаря легким порывам ветра, колыхавшим импровизированный флаг, на другой стороне Санчес даже не рассмотрела, а скорее угадала герб страны, с восседавшим в центре двуглавым орлом.

Русские! Откуда они здесь? И самое главное, почему так себя ведут? По мнению Санчес, они должны быть в более близких отношениях с террористами, а не являться к тем, кого считают своими злейшими врагами. Конечно, открытой войны между нами, на первый взгляд нет. Но их пренебрежительное отношение к правам человека, и прочим основополагающим принципам американского общества, давно сделало нас непримиримыми противниками. Да и относительно того, что они являются наиболее ярыми пособниками мирового терроризма, не знает только ребенок.

Тем временем из-за автобуса показалась фигура человека, одетого в камуфляж НАТОвского образца. И даже то обстоятельство, что оружия он не имел, а руки держал на виду, спокойствия Санчес не принесло. Его уверенная фигура источала огромную силу, заключенную в этом массивном теле. И речь здесь шла не о привычной американской тучности любителей гамбургеров и Кока-Колы. Несмотря на абсолютно лысый череп и гладко выбритое лицо, по сквозившей в каждом движении животной мощи, больше всего он напоминал медведя.

Вопреки своим солидным габаритам, приближаясь к заграждению, двигался человек невероятно легко, да и громкий голос не выдавал ни малейших признаков волнения. Вот только при первых его звуках, Санчес охватила паника. И дело даже не в том, что голос был под стать владельцу – сильный и уверенный. Больше всего ее встревожил акцент, знакомый по боевикам с участием русской мафии, и прочих законченных ублюдков, вторгшихся в ее страну из этой Империи Зла.

Поэтому смысл сказанного смыло волной паники, все больше захлестывавшей сознание Санчес. Достаточно было вообразить, что это кровожадное существо сейчас ворвется на территорию базы, как в памяти невольно всплывали кадры из фильма “Чужой”. Краем сознания Санчес уловила, что сержант ему что-то ответил, после чего человек повернулся к автобусу, и призывно махнул рукой.

Все происходившее напоминало кошмарный сон. Представив, что сейчас на их позиции устремится толпа подобных чудовищ, Мартина непроизвольно нажала на курок. Учитывая, что все это время она не выпускала фигуру человека из прицела, его камуфляж тут же вспорола цепочка разрывов. К этому моменту человек только что повернулся от автобуса. И в последний миг, перед тем как сбитый с ног очередью, упасть на песок, он с откровенным изумлением успел посмотреть в глаза Санчес.

Происходящее дальше все больше ускользало из ее понимания. В звенящей тишине что-то надрывно кричал сержант, но смысл его слов по-прежнему не достигал сознания Санчес. Потому как от автобуса к лежавшему на дороге русскому устремилась гибкая фигура высокой черноволосой девушки. Подбежав к раненому, она ладонями попыталась закрыть кровоточившие раны. Лишь на короткий миг подняв на Санчес укоризненный взгляд своих заплаканных глаз.

От автобуса к ней на помощь бросилось еще несколько девушек, заслонив от Санчес поверженного ею великана. Но самый большой шок Мартинес испытала, когда увидела группу людей, успевших выйти из-за автобуса следом. Потому как большую часть из них составляли женщины и дети. Ребяточки неуверенно топтались на месте, в то время как матери пытались отгородить их собственными телами от позиции, с которой раздались выстрелы.

Руки Мартины безвольно опустились, и автомат выскользнул из непослушных пальцев. Ища поддержки, она оглянулась на своих боевых товарищей, но наткнулась на стену непонимающих и удивленных взглядов. Только тогда осознав всю величину допущенной ошибки, Санчес покачнулась на внезапно ослабевших ногах, как подкошенная рухнув на колени. И словно пытаясь скрыться от направленной на нее волны всеобщего осуждения, накрыв голову руками, тонко по-бабьи завывала.

Глава

I

Ночь в пустыне – это не просто время суток. Складывается впечатление, что чернильная глубина небес, перемешавшись с бескрайними песчаными просторами, образовали новый мир, неведомый разуму простого человека. Самое сложное в этой непроглядной тьме – утихомирить внутреннее беспокойство, навеянное царящей в ночи тишиной, столь непривычной для жителя современного мира. Но стоит, преодолев внутренние противоречия, слиться с окружающей действительностью, как ночная тьма раскрывается с самой неожиданной стороны. И адаптировавшись к царящей вокруг звенящей тишине, слух становится способен различить целую гамму самых разнообразных звуков. Поэтому, чтобы не выпадать из общего фона, заставляю себя дышать глубоко и ровно, имитируя состояние глубокого сна.

Учитывая, что после той нагрузки, что довелось перенести за последнее время, сложно ожидать от меня чего-то иного. Последние сутки наш отряд двигался практически безостановочно. А принимая во внимание пересеченный рельеф местности, и количество навешанного на меня груза, удивительно, что мне удалось преодолеть весь путь самостоятельно. На коротких стоянках, когда остальные члены отряда имели возможность полноценно отдохнуть, я не мог себе позволить даже присесть. Выискивая место, где можно прислониться таким образом, чтобы навьюченное на меня барахло не так давило на стертые в кровь плечи.

Иначе подняться самому, можно было не рассчитывать. А под перекрестьем неприветливых взглядов, просить помощи даже в голову не приходило. И теперь подобная тактика приносила вполне ожидаемый результат. Стоило прилечь и блаженно вытянуть изможденные

дневным переходом ноги, как их мышцы сводило сильнейшим приступом судороги. Преодолеть которую стоило немалых трудов, вопреки природным рефлексам заставляя расслабить напряженные до конвульсий конечности. Но когда удалось справиться с внутренними рефлексамися, по телу разливалась приятная истома, позволявшая как никогда остро ощутить величину выпавшего на мою долю везения.

Ведь, несмотря на все свалившиеся испытания, я до сих пор жив, что уже само по себе являлось высшим наслаждением. Я и раньше никогда не разделял суицидальных наклонностей в любом их проявлении. Жизнь дается лишь раз, и второй попытки переписать линию судьбы нам не дано. Но во всей полноте ощутить ценность выпавшего на твою долю счастья бытия, дано лишь оказавшись на самом краю. Произошедшие события на сторожевой башне, до сих пор продолжали оставаться для меня полной загадкой. Готовый броситься в свою последнюю схватку, я ожидал чего угодно, но только не предложения вступить в ряды террористов.

Каковы были истинные мотивы Аслан-Бека, на правах командира сделавшего столь неожиданное предложение, предстояло еще разобраться. Ну, конечно, если не “встану на лыжи” раньше, для чего я собственно и дал согласие присоединиться к отряду. Но пока о побеге нечего даже и думать. По крайней мере, на этот счет Аслан-Бек высказался предельно категорично. Если за неподчинение, он пригрозил попросту пристрелить на месте, то в случае попытки “сделать ноги” обещал долгую и мучительную смерть. Поэтому действовать следовало наверняка, в ожидании подходящего момента постаравшись собрать как можно больше полезной информации.

– Что не спишь, Ваня? – вдруг раздался из темноты хриплый голос Аслан-Бека.

Непонятно, чему я поразился больше. Тому, как тихо ему удастся передвигаться, или как он вообще понял, что я не сплю. Однако, стараясь никак не выдать своего удивления, я как можно небрежней ответил:

– Ну да, не спится что-то.

– Сбежать собираешься? – словно прочитав мои мысли, иронично произнес Аслан-Бек.

И даже ужасный акцент, с которым он говорил на русском языке, не смог скрыть его издевательского тона. Следовало признаться, что уже более суток находясь рядом с этим человеком, я никак не мог разобраться с его отношением в мой адрес. Ведь, несмотря на то, что в первый раз я счел нужным его поправить, он намеренно продолжал дразнить меня “Ваней”. Правда, не совсем понятно, чего он этим добивался. Если таким нехитрым способом надеялся вывести меня из себя, то я буду вынужден его разочаровать. По мне – пусть зовут хоть “горшком”, лишь бы в печь не совали. Однако, оставлять подобное обвинение без ответа нельзя, как в мои планы не входило начинать оправдываться.

– Вот когда на попытке побега поймаешь – тогда и говори, – словно оскорбленный до глубины души, предельно жестко ответил я.

– Когда поймаю – поздно будет, – произнес Аслан-Бек, и металл в голосе не оставил сомнений относительно его искренности. Однако уже следующая его фраза была произнесена все тем же иронично-издевательским тоном:

– Да и ты тогда не сможешь узнать о судьбе своих друзей, отход которых прикрывать остался.

Если до этого, никак не реагируя на слова Аслан-Бека, я не просто продолжал лежать, а даже головы в его сторону не повернул. То после этих слов, я невольно сел, постаравшись рассмотреть при тусклом свете звезд выражение его лица. Хотя, даже если бы мне это и удалось, то угадать истинный смысл его намерений, мне по-прежнему было не суждено.

– Ну и что же с ними случилось? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал как можно более безразлично.

– Видимо, услышал Аллах твои молитвы, совсем немного не удалось их перехватить. Так что почти все смогли укрыться на американской базе.

– Что значит “почти все”? – невольно переспросил я.

– Того, кто первый из автобуса вышел, американцы почему-то застрелили, – словно делаясь забавной шуткой, произнес Аслан-Бек.

Вот только меня его тон оставил равнодушным, потому как в душе поселилось нехорошее предчувствие. Хотя осознание собственной невезучести, не оставляло ни малейшего шанса, что преследующее меня проклятье на этот раз обойдет стороной. Как и само известие, что членам моего отряда удалось достичь заветной цели, заставило усомниться, что на самом деле все могло закончиться настолько благополучно. Но пока еще тлел огонек надежды, я не выдержал, и спросил Аслан-Бека:

– А как он выглядел?

– Сказали, судя по тому, что вышел первым, это был ваш командир. А еще сказали, что он был высокий и совсем лысый.

Доктор! Ну как же так?! Стоило тебя на минуту одного оставить, как ты умудрился так подставиться!

– Так что, это действительно ваш командир был? – вывел меня из состояния задумчивости голос Аслан-Бека, не срывавшего своей заинтересованности.

Под грузом навалившегося отчаянья, разговаривать откровенно не хотелось. Но и показывать своему собеседнику своих истинных эмоций я не собирался. Поэтому, чтобы поскорей закончить разговор, сказал ему то, что он и рассчитывал услышать:

– Правда.

Однако, вопреки моим надеждам, эта новость заставила Аслан-Бека еще более оживиться. Он довольно рассмеялся, и, демонстрируя крайнюю степень ликования, даже хлопнул в ладоши.

– Аллах велик и справедлив, иначе и быть не могло. Про него уже легенды ходили, хитрый был, как шайтан. Многие наши братья от его коварства погибли. Потому Аллах и смерть ему особую приготовил. От рук тех, у кого он спасения искал.

В начале восторженной речи Аслан-Бека, мне захотелось кинуться на него, и даже не доставая Бабочку, попросту задушить его голыми руками. Но внезапно пришло понимание, что удивляться подобной реакции моего новоиспеченного командира, по крайней мере, глупо. Вполне естественно радоваться смерти своего заклятого врага, тем более учитывая, что произошла она при столь неординарных обстоятельствах. Вот только если поведение Аслан-Бека еще можно было как-то понять, то действия американцев, убивших моего лучшего друга, вызывали у меня массу вопросов.

– Спать пора, устал я сегодня, – не обращая внимания на возбужденный настрой Аслан-Бека, как можно более безразлично произнес я, демонстративно укладываясь на прежнее место.

Но видимо он и сам, выяснив все, что хотел, не особо стремился к продолжению разговора. Легко поднявшись с валуна, на котором сидел, Аслан-Бек так же бесшумно растворился в ночной мгле, оставив меня наедине со своими мыслями. По понятным причинам, посвященным обстоятельствам гибели Доктора. Зная об осмотрительности своего друга, я просто не допускал мысли, что своими действиями он мог сам спровоцировать подобную встречу. А значит, вся ответственность целиком и полностью возлагалась на плечи американских военных, не пожелавших разобраться в ситуации.

Впрочем, подобное отношение к человеческой жизни со стороны представителей этой “исключительной” расы, для меня и раньше не являлось особой новостью. Но теперь это коснулось меня лично, и градус переполнявших меня эмоций попросту зашкаливал. Я всегда считал себя человеком здравомыслящим и рассудительным, но сейчас от былой расчетливости не осталось и следа. От осознания непоправимости произошедшего хотелось выть в бессильной злобе, и невозможность открыто выразить свои чувства только усиливала разгоравшийся

в моей душе пожар ненависти. И одновременно приходило понимание, что пока я не утолю охватившую меня жажду мести, моей душе не будет покоя. В свете чего и мои дальнейшие планы претерпели некоторые коррективы. Ведь в скором времени нашему отряду предстояло вступить в бой с теми, кто по собственной неосмотрительности сделал меня своим “кровником”. А значит, имело смысл немного повременить с побегом.

Во время утреннего намаза, по вполне понятным причинам мое место находилось в самом последнем ряду. Проведя все школьные годы, сидя на “камчатке”, подобная “рассадка” устраивала меня больше всего. Ведь являясь в исламе “самовыдвиженцем”, особым опытом в свершении всех полагающихся при этом процедур я не обладал. Поэтому во время молитвы не упускал из виду все происходящее вокруг, в результате чего сегодня уже уверенно сливался с общей массой молившихся бойцов, своевременно выполняя все этапы ритуала.

После нехитрого завтрака с выступлением здесь обычно не затягивали, а значит, времени в моем распоряжении оставалось не так уж и много. Сегодня я решил несколько иначе распределить груз, чтобы переносить его было значительно удобней. И в первую очередь это относилось к навьюченному на меня оружию. Для той заварушки, что развернулась у сторожевой башни, всего двое убитых и один раненый со стороны исламистов, можно было счесть довольно незначительными потерями. Вот только теперь их оружие предстояло тащить именно мне, причем самый неудобный из стволов достался мне совершенно заслуженно. В последние минуты боя, не подпуская пулеметчиков противника к гребню холма, одного гарантированно подстрелил я. Бедолага истек кровью раньше, чем ему успели прийти на помощь, оставив мне в наследство столь внушительный трофей.

Пулемет Калашникова ПКМ, в армейке я видел только через забор с соседней мотострелковой частью. Зато здесь этот неприхотливый агрегат пользовался большой популярностью, позволив познакомиться с ним поближе. Конечно, машина убойная, даже по сравнению с Сорок Седьмым, несмотря на то, что у них одинаковый калибр пули. Но если в боевых условиях ПК не было равных, то в плане транспортировки он доставлял массу неудобств. С пристегнутым коробом эту неуклюжую конструкцию было практически невозможно пристроить достаточно удобно, чтобы не мешала при ходьбе. К тому же громыхающие в коробах запасные ленты, мне и самому почти сразу успели порядком поднадоесть, не говоря уже о косых взглядах бородатых однополчан.

Поэтому первым делом я вытряхнул пулеметные ленты из двух коробов, кроме того, что оставался пристегнутым к пулемету. После чего начал аккуратно обматывать ленты вокруг торса прямо поверх своего моджахедского пиджака. Закончив, я убедился в правильности своих предположений. Теперь содержавшийся в лентах вес практически не ощущался. К тому же, плотно охватив талию, получившийся корсет прекрасно фиксировал спину, возможности которой были уже на пределе. Что было далеко не лишним, стоило оценить весь объем переносимого мной груза. Помимо пулемета и автоматов, основную часть моей поклажи составляла здоровенная ракетная установка. Вот она-то никак не хотела мириться с общим грузом, имея в комплекте еще и отдельный короб с двумя сменными зарядами. Поэтому, нагрузив себя прочими котомками с хозяйственной частью отряда, установку я повесил спереди, тем самым уравновешивая центр тяжести.

Теперь вес переносимого груза уже не так давил на поясничный отдел позвоночника. Ложась основной нагрузкой только на ноги, жаловаться на которые пока не приходилось. Чтобы проверить правильность распределения груза, я пару раз подпрыгнул. Теперь звякал только пустой короб от ленты, одиноко болтавшийся поверх основного груза. Второй я бросил, рассудив, что когда закончится лента в пулемете, останется две ленты, и соответственно два короба. Главное, что наблюдавший за моими сборами Аслан-Бек, никаких возражений не выразил, а значит, я мог поступать, как вздумается. Поглядев на себя со стороны, невольно вспомнился анекдот про ослика, которого пригласили на свадьбу. Тот подумал, подумал, да и

отказался. Все очень удивились – ведь приглашение на свадьбу, это такая честь! На что ослик ответил:

– Я тосты произносить не умею, и плясать у меня тоже не особо получается, вот и придется как всегда, дрова на кухню таскать.

Так и мне, помимо моего желания, приходилось переть на себе все это барахло. Впрочем, учитывая, что единственная возможная альтернатива откровенно не радовала, следовало еще разобраться в своих переживаниях. Тем более что в отряде я находился не на положении раба, а в статусе полноправного воина, с возможностью использования всего имевшегося вооружения. Вот только если с пулеметом все было понятно, то с ракетной установкой возникла небольшая проблема. Инструкция была на английском, с которым у меня всегда были трудности. И судя по отсутствию у остальных членов отряда малейшего желания разобраться с принципом ее работы, это предстояло делать именно мне.

Но пока моей основной задачей было монотонно переставлять ноги, отмеривая очередной километр пути. Однако ближе к полудню, стало понятно, что мы приближаемся к заданному району. Количество патрулей удвоили, да и передвижение приобрело более скрытый характер. Судя по схеме, которую вчера рисовал на песке Аслан-Бек, атаковать предстояло даже не базу, а скорее полевой лагерь противника. Однако, несмотря на то, что никакого лагеря не было еще и на горизонте, меня не покидало ощущение тревоги. Вот только если большинство нормальных людей предпочло попросту отмахнуться от такого предчувствия, я подобного звоночка никогда не игнорировал. Подозрительным выглядело все вокруг, а особенно опасным выглядел выход к плато. Сплошь заставленный какими-то скальными образованиями, проход напоминал лабиринт, преодолеть который можно только одной дорогой.

Но головные дозоры уже почти достигли плато, и никаких тревожных сигналов от них не поступало. Тем не менее, двигаясь в самом хвосте колонны, я не столько прислушался, сколько попытался впитать всю гамму звуков, чтобы выделить нехарактерные для общего фона. И как не странно, таковые имелись. То и дело, отразившись от горных склонов, эхо приносило то звук упавшего камня, то еле различимое позвякивание. Все больше возникало впечатление, что мы здесь не одни. В результате создавая впечатление, что неприятель затаился впереди, поджидая, когда мы выйдем на равнинный участок местности. Вот только я действительно удивился, если бы почувствовал опасность первым.

Двигавшийся в голове колонны Аслан-Бек вдруг внезапно оглянулся, скользнув взглядом по лицам своих бойцов, задержавшись на встревоженном выражении моих глаз. И хотя его дальнейшим действиям не имелось рационального объяснения, своевременно принятые меры полностью себя оправдали. Немедленно заняв оборону, мы лишили противника его главного преимущества – эффекта неожиданности. Место для засады здесь было настолько идеальным, что не использовать всех особенностей столь выгодного положения было сложно. По нашему отряду ударили сразу с трех сторон, и втянись весь отряд на плато, наша участь была бы предрешена. Воспользовавшись секундным замешательством противника, в складках каменистой местности отряду удалось выбрать места, чтобы переждать первый огневой вал.

По застигнутому на открытом пространстве передовому дозору, длинными злыми очередями били сразу с нескольких направлений. Словно в бессильной злобе пытаясь на ощупь добраться до ускользнувшей добычи. В момент атаки я находился в хвосте колонны, поэтому мне найти укрытие не составило особого труда, да и еще с прекрасным обзором общей диспозиции. Два пулемета, установленные на господствующих высотах уверенно перекрывали все пространство внизу, прикрывая расположенных в скальных уступах бойцов пехоты.

Момент их перезарядки подошел практически синхронно, потому как они поддерживали примерно одинаковый темп стрельбы. И стоило лавине огня пойти на спад, поддерживаемой только мерным стуком пулеметов, застигнутые на открытой местности бойцы передового дозора предприняли попытку отойти к спасительным скалам. Удалось далеко не всем. Двоих

у меня на глазах перерубило пулеметным огнем, немедленно отреагировавшим на появление доступных целей. Уже избавившись от всего лишнего груза, и приведя ПК в боевое положение, я был вынужден констатировать, что попасть в пулеметчика снизу можно было разве что чудом.

Поэтому вместо того, чтобы осознав данный факт, заняться бессмысленным расходом боеприпасов, постарался развить мысль до ее логического завершения. В свете которой сам собой напрашивался вывод, что если цель невозможно достать снизу, остается только поразить ее сверху. А мешали эти пулеметы, как кость в горле. Ведь, несмотря на то, что отряду удалось занять оборону, выходы из ущелья уверенно перекрывали пулеметы, расположенные практически на всех высотах. К тому же, под прикрытием их огня, стрелки вели себя намного уверенней, в свою очередь тоже обильно поливая наши позиции свинцовым ливнем.

И теперь, раз уж не удалась хитрость с засадой, противник перешел в наступление, чтобы окончательно зажать нас на ограниченном пространстве. Впрочем, наступление в привычном понимании этого слова, происходящее напоминало мало. Под прикрытием шквального пулеметного огня бравые спецназовцы не совсем ловко перебежали из-за одного укрытия за другое, понемногу подбираясь к нашим позициям. Действуя на автомате, я принял активное участие в отражении этой затяжной атаки. Но учитывая величину калибра моего оружия, долго “отсвечивать” на одном месте мне не стоило. Ответный огонь противника практически немедленно накрывал занятую мной позицию, заставляя искать себе новую.

В очередной раз, выбрав сектор огня на новой позиции, и дождавшись, когда неуклюжая фигура спецназовца покажется из-за камня, повея стволем ему навстречу, длинной очередью я пресек его попытку укрыться за соседним валуном. Возможно, меня “спалили” еще раньше, уж очень быстро последовала ответная реакция противника. Судя по тому, как крупной дрожью отозвалась закрывающая меня скала, лупанули явно из чего-то довольно крупнокалиберного. И прежде чем скальная твердь сдалась ярости снарядов, я успел свалить со ставшей обжигающе горячей позиции. Помимо прочего, своим огнем вражеский пулеметчик указывал направление стрелкам, которые с готовностью принимались рвать демаскировавшую себя позицию в клочья. И пара царапин на лице от летящего во все стороны каменного крошева, которыми я отделался, могли показаться большой удачей.

Тем не менее, не привыкшие нести потери спецназовцы заметно снизили темп продвижения вперед, и вскоре стало ясно, что наступление окончательно захлебнулось. По крайней мере, пока пострадавшим пытаются оказать помощь, и эвакуировать с поля боя. В результате чего коренным образом поменялся характер перестрелки. Новый стиль можно было назвать “охота на кролика”, в роли которых выступали санитары противника. Может, и негуманно, зато эффективно. Причем, убивать их было совершенно незачем, скорее наоборот. Ведь каждый новый раненый на поле боя снижал общую эффективность, да и время эвакуации увеличивалось.

Впрочем, я в этой забаве участия не принимал. Отчасти из-за яростного ответного огня, который противник открывал по каждому такому охотнику практически из всех стволов. Вместо этого, воспользовавшись установившимся затишьем, попытался собраться с мыслями после столь внезапного нападения. С кем мы имели дело, догадаться было не сложно по звездно-полосатым шевронам на амуниции спецназовцев, и по фирменной трусливой манере воевать. Но столкнувшись даже со столь обделенным боевым духом противником, стратегическое превосходство их позиции сомненья не вызывало.

От горного ущелья, из которого мы сюда вышли, и до условно равнинного плато, наш путь пролегал между отдельных скальных возвышенностей. Оставалось только порадоваться, что мы не успели покинуть этот участок, получив возможность занять оборону. На правом фланге от противника нас отделяла громадная скала, уверенно соперничавшая в высоте с соседними вершинами, на которых расположились пулеметные расчеты противника.

Вот они-то и играли ключевую роль в сложившейся диспозиции. По всей видимости, имея возможность заблаговременно подготовиться к нашей встрече, противник оборудовал пулеметные точки на большей части соседних вершин. В результате не только наглухо перекрыл проход на плато, но и получив контроль над участком на выходе из ущелья. Неудивительно, что на вершинах, выходящих на эти направления, находилось сразу по два пулемета. А значит, они могли действовать на два фронта, уверенно перекрывая оба направления нашего возможного прорыва.

Оптимальный вариант действий в сложившейся ситуации, пришел мне в голову практически сразу. Но к его осуществлению я приступил, лишь окончательно убедившись, что иного выхода попросту не существует. Прикрывавший наш правый фланг скалистый пик, предоставлял нам небольшое пространство, не просматриваемое противником, и те никоим образом не могли знать, что происходит на этой стороне его склона. В результате сам собой следовал вывод, что кому-то придется лезть. А смутное предчувствие подсказывало, что этим добровольцем буду именно я.

Однако вовремя вспомнив, что я теперь не сам по себе, а вроде как подчиненный, а значит, все свои поступки следует согласовывать с командиром. К тому же долго искать Аслан-Бека не потребовалось, и стоило мне появиться поблизости, он сам вопросительно посмотрел на меня. Махнув ему головой, предлагая отойти подальше от линии соприкосновения в тыл нашей позиции, я кратко изложил ему суть своего плана.

– Это безумие, сорвешься!

Такова была первая реакция Аслан-Бека, после того как он оглядел уходивший практически вертикально склон скалы.

– А иначе нам всем здесь хана! – привел я в ответ не менее убедительный довод.

Судя по ответной реакции, Аслан-Бек понял сказанное мной во всех нюансах, потому как после недолгой заминки, был вынужден согласиться. Получив благословение, я приступил к последним приготовлениям к восхождению. Ведь только заняв позицию, схожую с их пулеметными расчетами, можно было рассчитывать противостоять противнику на равных. А значит, предстояло карабкаться по практически отвесной скале, не имея никаких специальных приспособлений.

Наверняка противник начал готовить эту точку задолго до нашего прихода, покорив стратегически важные вершины при помощи команды альпинистов. Мне же оставалось полагаться только на свою удачу, и выбор маршрута, к которому я пришел после рассмотрения нескольких вариантов. Вопреки ожиданиям, он пролегал не через изредка встречавшиеся откосы, как правило, идущие практически горизонтально, а напрямую к вершине. На мой взгляд, на пути имелось достаточно выступов, за которые при большом желании можно зацепиться.

Конечно, маршрут был проработан довольно условно, особенно в районе вершины. Не помогал даже бинокль, потому как под этим углом рассмотреть особенности скального рельефа было проблематично. Следовательно, придется действовать по обстоятельствам, определяясь с дальнейшим маршрутом уже на месте. Но другого выбора не оставалось. Скоро америкосы снова пойдут в атаку, и в результате сложно спрогнозировать, чем все закончится. Особенно учитывая наши сравнительно скромные запасы боеприпасов, и судя по всему, их неограниченное количество у противника.

А значит, времени на долгие сборы не оставалось. Избавившись от всего лишнего, я прихватил только запасной короб для ленты. Пулемет я оставил своим единственным оружием, потому как он один стоил трех стволов, как по массе, так и по эффективности. Тем более что разместить на спине эту громоздкую конструкцию более-менее удобно, удалось, лишь оставив его в гордом одиночестве.

Напоследок я не отказал себе в удовольствии оглянуться. В процессе сборов многие сослуживцы догадались о моих намерениях, не пытаясь скрыть удивления от подобного безум-

ства. Именно так на меня и смотрела основная часть невольных провожающих. В основной массе, представленная в лице раненых бойцов, и тех, кто оттянулся в тыл для перезарядки. Откровенное сомнение относительно состояния моего душевного здоровья и являлось причиной моего триумфа. Сумасшедших всегда предпочитают опасаться, а раз боишься – значит уважаешь. По крайней мере, теперь ни о каком прежнем презрительном отношении уже не могло быть и речи.

Начальный этап восхождения я уже наметил, и вскоре забрался на достаточную высоту, с которой просто жутко не хотелось бы упасть. Но быстро преодолев этот рубеж, я приблизился к высоте, когда это уже не имело особого значения. Потому как результат подобного падения не оставлял никаких сомнений. Значит, следовало сосредоточиться на филигранной точности каждого движения, вместо того, чтобы кошмарить себя без всякого толка. Оставалось только возблагодарить судьбу за неоценимый опыт скалолазания, полученный под руководством своей верной боевой подруги Жасмин.

По крайней мере, пока мне сопутствовала удача, и рельеф скального склона имел достаточно трещин и разломов. Отчаянно цепляясь за которые, я прокладывал свой путь наверх, осознавая, что обратного пути у меня попросту нет. Впрочем, во время восхождения я постоянно маневрировал, стараясь выбирать вариант маршрута, где возможностей найти точку опоры было “с запасом”. Вот только вскоре просчитался, и столкнулся с участком, где возможность зацепиться практически отсутствовала. С обеих сторон расстилалась ровная гранитная поверхность скалы, представлявшая собой практически монолитный массив. Вот только стоило представить, сколько времени уйдет на возвращение и поиск нового маршрута, становилось тошно. Бой внизу давно разгорелся с новой силой, и это еще сильнее стимулировало мыслительный процесс.

У нас русских, если что-то нельзя, но очень хочется – то немного, да можно. Я в который раз оглядывал коварный участок, просчитывая количество мест возможных зацепов. Но мало того, что эти точки и сами были довольно “слабые”, то есть неглубокие трещины и мелкие уступы. Одной точки не хватало на самом выходе из неблагоприятной зоны, и с этим нечего нельзя было поделать. Вот только ничего ли?

В одном месте, где необходимо обрести точку опоры, на гранитной поверхности пролегла лишь узкая щель, в которую нечего было и рассчитывать засунуть пальцы. Но ведь можно что-нибудь другое, и как нельзя лучше для этой цели подходило лезвие ножа. Стоило этой мысли посетить мою голову, я преодолел опасный участок, и приблизился к месту пролегания трещины на расстояние вытянутой руки. Процесс извлечения Бабочки, и развертывание ее в боевое положение, был совершен в условиях предельной концентрации, ведь уронить нож я попросту не имел права.

Но как только изготовленный к бою нож был зажат у меня в руке, после короткого замаха я вонзил его лезвие в щель. И, несмотря на то, что лезвие вошло в тело скалы с трудом, глухой удар в конце послужил доказательством, что оно провалилось в щель по самую рукоятку. С огромным облегчением я перенес на эту руку основной вес тела, потому как до этого был вынужден удерживаться за совсем уж незначительную складку. И теперь, практически повиснув на одной руке, я старался дать отдохнуть сведенным судорогой пальцам левой руки, которыми до этого цеплялся за небольшой уступ практически одними ногтями.

После нескольких секунд отдыха, я продолжил восхождение, благо дело шло к вершине, и дальнейший маршрут изобиловал спасительными складками на отступающем склоне скалы. Опираясь на рукоятку Бабочки уже ногами, я ни на секунду не усомнился в прочности лезвия, однако нагрузку наращивал плавно. По мере того, как я приближался к вершине, угол восхождения становился все более комфортным. И теперь недавние впечатления о том, как увешанный оружием, я висел на практически отвесной скале, не могли вспоминаться без содрогания.

Теперь можно было не бояться сорваться. Зато подход к вершине скалы представлял собой ужасную каменную мешанину, заставляя искать проходы в этих скальных разломах. Но обнаружив первую относительно ровную площадку, я посчитал необходимым подготовиться, чтобы вступить в бой с максимальным потенциалом. Смотав с себя запасные ленты, я заполнил ими оба имевшихся короба.

Вопреки моим опасениям, что вершина окажется ровная, как ладошка, пара глубоких складок в наличии имелось. К тому-же, разломы в скале оказались достаточно глубокими, чтобы не попасть в зону видимости с соседних вершин. Учитывая, что наша скала возвышалось над большинством соседних пиков, рассмотреть позиции пулеметных расчетов особой сложности не представляло. Тем более что прежде чем их увидеть, я услышал достаточно, чтобы точно сказать, сколько стрелков действует на каждой вершине. В чем вскоре смог убедиться и визуально.

Несмотря на то, что каждая секунда боя могла стать решающей, анализируя особенности позиций каждого из своих “визави”, я размышлял, как правильной обставить свое внезапное появление. Хотя, если разобраться, то первый ход не вызывал ни малейших сомнений. Поодаль стояла не менее высокая скала, вследствие чего, позиция засевшего на ее вершине пулеметчика стала для меня приоритетной целью. А значит, его надлежало устранить первым, и для достижения этой цели, боеприпасов я решил не экономить.

Учитывая, что ему приходилось стрелять вниз с самого края, мною его позиция просматривалась относительно неплохо, но только если он не отойдет назад. В таком случае он сможет надежно укрыться вне зоны моей видимости, и вот тогда с его стороны могут последовать крайне нежелательные сюрпризы. Оставалось только пожалеть, что у меня не было возможности проверить пристрелку пулемета, учитывая, что от этого зависит благополучный исход всей операции. Конечно, соответствующую поправку можно сделать уже “по ходу пьесы”, но работать на идеально выверенном прицеле значительно проще и эффективней.

Первая же очередь наглядно продемонстрировала, что мои опасения оказались напрасны. Ну, если только прицел немного “заваливал” влево, поэтому следующую очередь я положил, целясь чуть правей от фигуры пулеметчика. И если результативность первой очереди можно было считать спорной, ввиду того что пулеметчик элементарно “шуганулся” от неожиданности. То вторая очередь заставила его фигуру изогнуться от гарантированного попадания выпущенной точно в цель очереди. Буквально парой следующих очередей я оборвал его мучения, потому как его судьба была уже предрешена.

Но выбирая свою первую жертву, я определил и приоритеты последующих целей, по которым предстояло отработать в первую очередь. Как эта одиночная пулеметная точка на дальнем утесе, тем не менее, доставлявшая моим сослуживцам наибольший дискомфорт. Ввиду того, что находясь вне досягаемости для ответного огня, надежно прикрывала идущих в атаку спецназовцев. Благо, что его вершина имела ровную поверхность, и с моей позиции просматривалась практически полностью. Поэтому, несмотря на ее внушительную удаленность, покончить с этой пулеметной точкой не потребовало особых усилий.

Ведь мое внезапное появление не осталось незамеченным, и результатом столь хамского поведения стала вполне предсказуемая ответная реакция. Конечно, первыми меня обнаружили пулеметчики на соседних вершинах, незамедлительно приложив все усилия для моей ликвидации. Стоило мне зачистить дальнюю точку, как скальный уступ рядом со мной хлестнули первые очереди пулеметов противника с соседних вершин. Как не вызывало сомнений, что стреляли с двух позиций, которые я рассматривал как наиболее опасные направления.

Скользнув назад в глубину гранитного нагромождения, я оказался надежно укрыт от пулеметного огня противника, получив полную свободу передвижения по дальней части вершины. Чем и воспользовался в полной мере, в процессе подготовки своего следующего “выхода на публику”. Благодаря богатому выбору, по какой из расщелин безопасней подобраться к

каждой пулеметной позиции противника, чтобы мое появление оказалось для них наиболее неожиданным.

По понятным причинам, моему нападению подвергались в первую очередь пулеметные расчеты на наиболее высоких вершинах. Во-первых, у них было больше возможных укрытий, помимо возможности укрыться от моего огня на противоположной стороне вершины. Но даже оттуда они будут иметь возможность продолжать мне досаждать, поэтому я приложил все усилия, чтобы со следующей атакованной мною вершины никто не ушел живым.

Несмотря на свое численное превосходство сдвоенной позиции, быстро поняв всю бесперспективность дальнейшего выяснения отношений, противник решил отойти. Вот только их попытки прикрывать друг друга во время передислокации особого результата не принесли, в результате чего до края вершины добрался лишь один пулеметчик. Но замешкавшись с веревками, получил от меня полновесную очередь в спину, и отправился вниз уже без всякой страховки.

Последующую сдвоенную позицию на другой вершине удалось вынести еще быстрее. Потому как те быстро поняли, что пришел их черед, и не стали медлить. Успев отойти к краю скалы прежде, чем я взялся за них всерьез. В результате одному удалось “улизнуть”, вот только по той поспешности, с какой он скрылся, опасений, что он вернется, не возникало.

Оставалось еще две пулеметных позиции, когда у меня закончилась лента. И неудивительно, ведь предпочитая действовать наверняка, патронов я не жалел, вот две сотни патронов как-то незаметно оказались израсходованы. Впрочем, временно покидая поле боя, я был вполне удовлетворен переломом, который внес в его ход. По крайней мере, силы теперь примерно уравнились, и немедленный разгром моим “подельникам” уже не грозил. И как будут развиваться дальнейшие события, теперь зависело от них самих.

Как я и планировал, после установки новой ленты, первым делом я прояснил ситуацию с оставшимися пулеметными точками. Но в виду того, что располагались они значительно ниже, то просматривались мною как на ладони. Поэтому прежде, чем я закончил с пулеметным расчетом на одной вершине, весь личный состав последней предпочел самостоятельно покинуть свою обреченную позицию.

Правда теперь придется постоянно отвлекаться, ведь чтобы разглядеть ряды атакующих спецназовцев, мне требовалось выглядывать вниз намного дальше. Поэтому я невольно подставлялся для стрелка, решившего вновь занять свою прежнюю позицию. Но вопрос о целесообразности поддержки своих соратников огнем не подлежал сомнению, поэтому я был вынужден пойти на определенный риск. Впрочем, держа все свои сторожевые рецепторы на максимуме, в полной готовности отреагировать на появление малейшего движения на соседних вершинах.

Но к этому времени мои воинственные соратники уже и сами разобрались в ситуации, и как только завеса пулеметного огня спала, перешли в решительное наступление. Оставшись без прежнего эшелонированного прикрытия, brave спецназовцы были вынуждены занять оборону. Немилосердно расходуя боеприпасы, чтобы не позволить противнику приблизиться. Вот только бойцы Аслан-Бека, похоже, были прекрасно осведомлены о подобной пиндосовской привычке. Поэтому приближались, активно используя рельеф местности, укрываясь от интенсивного огня со стороны противника.

Судя по всему, патроны у этих ребят еще и не думали заканчиваться, поэтому я счел нужным вмешаться в происходящее. И как только мои первые очереди ударили по позициям спецназовцев, в ходе боя произошел переломный момент. Хотя интенсивность огня противника практически не снизилась, ее эффективность упала в разы, потому как теперь противник продолжал активно отстреливаться, одновременно отступая.

Немедленно уловив это изменение, с целью окончательно сломить боевой дух противника, мои соратники перешли в решительное наступление. Конечно, они по-прежнему пред-

почитали не подставляться, тем не менее, их ответный огонь по своей результативности значительно превосходил показатели противника. А учитывая поддержку, которую я оказывал сослуживцам, находясь на значительно более выгодной позиции, вскоре отступление противника переросло в откровенное бегство. В связи с чем, вскоре театр боевых действий переместился за ближайшую скалу, а потом и вовсе исчез из поля моего зрения.

И только в этот момент пришло понимание, какой же я осел! Когда собирался штурмовать вершину, нет бы моток веревки с собой прихватить, пусть даже не очень толстой. Только тогда настолько далеко я не загадывал, и теперь пришла пора расплачиваться за подобную недальновидность. Ведь как мне теперь спускаться вниз, у меня не было ни единого предположения. Спускаться по пройденному ранее маршруту мне и в голову не приходило, потому что если имело смысл так рисковать в тех условиях, то разбиться сейчас будет до обидного глупо.

Ну а с другой стороны скалы, как я успел убедиться, дела обстояли еще хуже. Мне показалось, что там имелись даже участки с “отрицательным уклоном”, так что, во время восхождения мне еще повезло с маршрутом. Тем не менее, пройти там еще раз желания не прибавилось. Тем более, может и действительно, пошло оно к лешему! Самому мне не спуститься, как никому не придет в голову лезть сюда. Вот и пусть валят по своим делам, а я уж тут как-нибудь сам.

Ну а что, вариант такого “разбега” с Аслан-Беком я считал вполне приемлемым. По крайней мере, выполнение с моей стороны всех взятых на себя обязательств оспорить сложно. Я только что спас отряд от поражения и полного разгрома, и теперь с полным основанием мог полагать, что мы квиты. А значит, решать эту проблему предстояло Аслан-Беку, и здесь все зависело, как он отреагирует на понесенные потери. Мне показалось, что в наступлении участвовало не более половины нашего отряда. И судя по тому, что довелось наблюдать в первые минуты боя, так оно могло оказаться и в действительности.

Может и махнет рукой, смирившись с потерей еще одной боевой единицы, или напротив, теперь с особенным вниманием будет относиться к судьбе каждого бойца. В этом заключалось доселе незнакомое мне обстоятельство. Раньше мне нужно было самому принимать решения, и нести ответственность за чужие жизни. А теперь я ничего не решал, поэтому мог с чистой совестью завалиться на нагретом солнцем гранитном утесе, и, закурив, сбросить тягостное напряжение боя.

Звуки перестрелки откатывались все дальше в сторону плато, предоставив мне возможность предаваться раздумьями относительно своей дальнейшей судьбы. Раньше все как-то не до этого было. Оставшись в живых разве что чудом, строить далеко идущих планов в голову попросту не приходило. Тем более что первый же пункт всех возможных вариантов – побег, с большой степенью вероятности грозил стать его окончанием. Ведь если кого и можно назвать спецназовцами, так это моих теперешних соратников. Поэтому бегать от них по пустыне, представлялось крайне бесперспективным занятием.

А теперь я уже предвкушал вариант, если Аслан-Бек будет вынужден меня оставить, тем самым разрывая условия нашего контракта. Поэтому сейчас я просчитывал все возможные варианты, как после ухода отряда можно будет быстро спуститься, желательно до того момента, когда здесь появятся америкосы. Даже по сравнению с моим теперешним положением, угодить в Гуантанамо представлялось не самой радужной перспективой. Особенно, если застанут на скале, с которой были уничтожены все их пулеметные расчеты. Я думаю, объяснять тогда что-то будет просто бесполезно, лучше прикинуться немым, а еще лучше – невменяемым. Только тут уже нужен особый талант, и я не уверен, что владею им в полной мере.

А значит, валить нужно будет как можно резче, и я набрасывал варианты, как лучшим образом справиться с этой задачей. Что и говорить, будь у меня веревка, проблема преодолеть особо коварные места на спуске не стояла так остро. Но ведь можно использовать что есть. И речь не только о ремне с пулемета, длина которого не превышает полтора метра, существуют и

скрытые резервы. Как говорится, у доброго мужика и бычий хвост – веревка. Ну а тем более три пулеметные ленты, которые по длине в комплексе легко перекрывали каждый из двух опасных участков. Ну а уж как устроить, чтобы всю эту связку сдергивать, находясь в ее нижней точке – это уже дело техники.

Стрельба вскоре окончательно прекратилась, а после началось триумфальное возвращение моих соратников. Причем, чтобы понять это, смотреть вниз не требовалось. Ввиду того, что на вершинах начали появляться мои однополчане, забравшись туда по веревкам, которые протянули туда их предыдущие обитатели. Но прежде чем начать хозяйничать на покинутых позициях, они предпочитали окончательно убедиться, что я их узнал. За всем происходящим я бесстрастно взирал все с того же гранитного лежбища, в ответ на их ликующие крики вальяжно приветствуя поднятой рукой.

Но вдруг происходящее на вершине одной из скал заставило меня враз растерять свой божественный пафос. Оказавшись наверху, бойцы не считали лишним поделиться со мной радостью от одержанной победы. Но в поведении этого воина читалось, что он хочет сообщить мне что-то важное, более того, пытаюсь мне это показать. Конечно, с биноклем разглядеть предмет в руках товарища было значительно проще, потому как эта скала находилась на приличном удалении. Тем не менее, даже не особо всматриваясь, я понял, что это такое, и почему соратник пытался продемонстрировать мне этот предмет.

Одно можно было сказать точно – все, что я тут себе нафантазировал, отправлялось прямиком псу под хвост. Напоминаая арбалет, оружие в руках боевика заканчивалось компактной “кошкой”, явно из какого-то прочного металла. Гребанные пиндосы, и здесь не могли без шпартгалки обойтись. Я-то думал, что они вершины по “чесноку” штурмовали, с молотками, клиньями и прочей романтикой. А они предпочли использовать достижения современных технологий, способной в разы облегчить путь к намеченной цели.

Как именуется этот агрегат в оригинале, я не знал, потому, как и видел-то его впервые. Потому обозвал его условно “кошкет”, что как нельзя лучше отражало его основное назначение. А значит, хватит уже изображать из себя девственницу на первой случке, пора вновь становиться под черные знамена джихада. Вскоре этот чудо-девайс притащили к основанию моей скалы, что продемонстрировал первый пробный выстрел, ушедший чуть ниже, и отбитый монолитом скалы. Но со второй попытки снаряду удалось зацепиться за основание уклона вершины, где добраться до него мне уже не составляло особой сложности.

Само собой, за собой он тянул не полноценный трос, а его модернизированную версию, причем очень маленького диаметра. Для того чтобы пользоваться таким, нужны специальные “приспособы”, которых я что-то не замечал. Поэтому я крикнул вниз, чтобы к кошкету привязали нормальную веревку, которой после сбора трофеев должно быть немеряно. Судя по ответной реакции, так оно и было, и уже через пару минут снизу раздались ободряющие возгласы, а несколько неожиданных рывков чуть не выдернули веревку у меня из рук.

Нетрудно догадаться, что мой обратный маршрут пролегал точно там же, где я прошел эту дистанцию впервые. Вынужденно оставив Бабочку в теле скалы, я ни секунды не сомневался, что если выживу, обязательно за ней вернусь. Не имея страховочного пояса, я соорудил его сам, обмотавшись вместе с веревкой пустыми пулеметными лентами. Теперь оставалось только стравливать веревку снизу, стараясь, чтобы полы пиджака не “затянуло” в этот узел вместе с веревкой.

Вернувшись на недавнее поле боя, я застал там уже относительный порядок. Конечно, кругом было разбросано множество трупов, причем несложно догадаться какой национальности. наших погибших уже собрали в гроте неподалеку, придав им достойный, и не побоюсь сказать, торжественный вид. Вот только длина этой шеренги наводила на невеселые раздумья. Как я и предполагал, в своем последнем строю находилась добрая треть отряда.

Поэтому и угрюмый взгляд Аслан-Бека я воспринял как нечто само собой разумеющееся. Понятно, ему сейчас непросто, и уже то, что он попросту не счел нужным мне что-то сказать, было не так уж и плохо. Тем более что как только я решил влиться в общий процесс, встретил кардинально изменившееся отношение в свой адрес. Несмотря на общую суету, каждый из соратников находил время, чтобы ободряюще улыбнуться, или сказать что-нибудь одобрительное, пусть даже прекрасно зная, что все равно не пойму.

Судя по всему, Аслан-Бек раздал свои первые распоряженья задолго до моего появления. И теперь я присутствовал на завершающем этапе всех работ. Погибших единоверцев сложили в гроте, у входа в который сейчас копались два моджахеда, подготавливая его к подрыву. Грамотно, да и прочие “движения” указывали на то, что надолго мы здесь не задержимся. Захваченное оружие и боеприпасы, рассортированное по разным кучам, подвергалось жесткому отбору, прежде чем обрести своих новых хозяев, либо присоединиться к грузу. Вот только отдельно от кучи с захваченными образцами амеровского оружия, лежали стволы и наших погибших товарищей. Поэтому вскоре мне удалось обнаружить такой же, как у меня ПКМ, с практически полной лентой. А после недолгих поисков, я нашел еще два полных запасных короба.

Вот и славно, значит, вопреки моим опасениям, менять оружие не придется. Из двух половин, оставшихся после боя, я еще на скале укомплектовал одну полную ленту, которая теперь была в коробе на пулемете. А теми тремя, что мне удалось раздобыть, я привычно обмотал туловище, легко справляясь с этой задачей и без посторонней помощи. Но стоило мне закончить, возле куч с оружием появился Аслан-Бек, чтобы лично проконтролировать ход работ. В результате, хотя мой пулемет был обеспечен боекомплект, мне пришлось взять еще один трофейный, имевший в комплекте практически тысячу патронов.

Видимо, несмотря на все мои заслуги, шадить меня, по прежнему, никто не собирался. Впрочем и времена сейчас непростые, ситуация сложилась более чем форс-мажорная. К тому же и валить отсюда давно пора, что недвусмысленно обозначил взрыв, заваливший проход к месту упокоенья наших соратников. Аслан-Бек, похоже, понимал это не хуже меня, поторапливая бойцов, кардинально решая все встающие на пути проволочки.

Принимая указанный мне пулемет, в ближней куче с оружием, мое внимание привлек один интересный экземпляр. Вернее, вначале в глаза бросился непривычный для оружия грациозный изгиб линий. Судя по которым, еще до того как вытащить этот образец из кучи другого оружия, я понял, с чем имею дело. << Кольт – Питон >> Магнум – 257. Я впервые держал в руках подобную вещь, так близко объединившую такие разные понятия, как красоту и смертоносность. Огромных размеров Кольт поражал как произведение искусства своей изысканностью форм, и агрессивной величиной калибра.

Но, что самое интересное, меня нисколько не покорило, что это американское оружие. В конце концов, меня и американофобом назвать нельзя, ведь это означает, что ты ненавидишь весь народ. Вот только ума не приложу, причем здесь простые американцы. Если по отношению к ним, у меня и имелось какое чувство – так это жалость, что неплохому народу досталась такая гнилая политическая система. В полном соответствии с учением “разделяй и властвуй”, разводящая в стороны два наших народа.

Возможно, что после того, как я сам только что “положил” практически взвод американских солдат, подобные высказывания могли показаться несколько лицемерными. Вот только не стоит забывать, что Армия – это инструмент Власти, и мои сегодняшние жертвы, тоже далеко не дети малые. Это “спецура”, и уже наверняка успели много где побывать, и как это у них принято, “замазаться по самое не балуй”. Следовательно, я действовал как санитар американской нации, отсекая конченных отморозков от добропорядочных янки, мирно танцующих в салунах под банджо в своих широкополых шляпах. Конечно, я утрирую, но считаю, что так правильной

выражать свое отношение к этой нации, учитывая разрывающую ее полярность собственных противоречий.

Одним словом, бросить этот раритет обратно в кучу, рука не поднялась. Особенно после того, как разобравшись с механизмом, я убедился, что вид капсюлей на всех гильзах имеет девственно нетронутую целомудренность. Время еще позволяло, поэтому я увлекся розыском боеприпасов к вошедшему в штат стволу. Патроны “рассыпухой” валялись в самом низу кучи, и, добравшись до них, я смог наковырять еще десятка полтора зарядов для Кольта. Тем более что на общем фоне, благодаря их огромному размеру и непривычной форме, патроны для этой карманной артиллерии не заметить было сложно. Уже смирившись со столь габаритным и увесистым приобретением, я оправдывал свою слабость тем, что в арсенале пулеметчика пистолет должен быть обязательно.

Хотя о прежнем боевом образе теперь можно было лишь вспоминать с ностальгией. Поскольку я был вынужден вновь переквалифицироваться в выносливого ослика, обвешанного котомками с самым разнообразным барахлом. Пару мешков Аслан-Бек распорядился бросить, зато их место заняли вещмешки спецназовцев с нашей новой добычей. Впрочем, несмотря на значительное увеличение массы груза, обижаться не приходилось. Принимая во внимание огромное количество раненых, все мои соратники были загружены по максимуму. Поэтому теперь мое осторожное маневрирование не задерживало общее передвижение, а наоборот, вскоре я вырвался в бесспорные лидеры.

Как-то незаметно оказавшись в самой голове колонны, я невольно оказался в поле зрения Аслан-Бека. Было заметно, что даже его ближайшие командиры старались держаться от него подальше. Поэтому мой выпендрож мог оказаться здесь несколько неуместным. Но, как известно – собака никогда не укусит, если чувствует, что ты ее не боишься. Вот и мне Аслан-Бека бояться было нечего, и я предлагал рассматривать это как данность. И как вскоре удалось выяснить, подобная бравада не осталась незамеченной, в результате чего состоялся вполне ожидаемый разговор.

– Молодец, Ваня! Спасибо тебе, – без лишних предисловий произнес Аслан-Бек, всем своим видом не заставив усомниться, что говорит это вполне искренне.

– Рады стараться! – вложив в свой ответ как больше оптимизма, с иронией отрапортовал я.

Возможно, поэтому следующий вопрос Аслан-Бека удивления не вызвал.

– Что обо всем этом думаешь? – проронил он, не особо вдаваясь, о чем именно он хотел узнать. И хотя догадаться было несложно, но даже тогда возникала необходимость конкретизировать ситуацию. Вместо этого я решил начать с самого начала, а уже потом делать общие выводы.

– Пусть конь думает – у него голова большая, а у меня только одни нехорошие предчувствия. Что нас “встречали”, видно и слепому, а по объему подготовительных работ становится понятно, что место выбрали не случайно. Вот по всему и выходит, что информация о точном маршруте нашего отряда появилась у противника почти сразу, как ты сам получил приказ. А вот о том, кто еще мог знать об операции, тебе лучше самому подумать.

Не успел я внутренне усмехнуться тому, что мой диалог начинался и заканчивался одними словами, как от Аслан-Бека последовала неожиданная реакция.

– Проклятый Амир-Халиф! – зло прошипел Аслан-Бек сквозь зубы, и без преувеличения, в его черных как смоль глазах сверкнул огонь лютой ненависти.

– Кровная вражда у нас с ним. Давняя история, еще деды что-то не поделили, не смотря на то, что общей границы наши земли не имели. Поэтому раньше с Амир-Халифом мы практически не пересекались. Правда была пара встреч, и с тех пор у него стало еще меньше поводов относиться ко мне доброжелательно. Вот только появившись здесь раньше, теперь он является моим фактическим командиром. Хотя бы потому, что связь с центральным руководством осу-

ществляется через него, и вся информация о деталях предстоящих операций проходит через его руки.

Было видно, что Аслан-Бек высказывает свои давние подозрения, подкрепленные новыми фактами. И печать тяжелых размышлений, легла на суровое лицо Аслан-Бека, исключая возможность продолжения беседы. Тем более что словно отзвук нашего разговора за чередой ущелий послышался стрекот вертолетов. Однако мы уже успели отойти на безопасное расстояние, о чем свидетельствовало равнодушная реакция Аслан-Бека.

Ночь в горах наступает рано, и по сгустившимся сумеркам стало понятно, что вскоре придется искать место для ночлега. Но судя по тому, как несколько раз сверившись с картой, Аслан-Бек продолжал упорно двигаться вперед, становилось понятно, что у него на этот счет есть особое мнение. Так оно и оказалось, и я даже не удивился, когда среди горных ущелий внезапно вырос целый промышленный городок. Горнорудный обогатительный комбинат, если быть более точным. Очень даже неплохо, а то по ряду причин, особого желания ночевать под открытым небом у меня не возникало.

Как и следовало ожидать, комплекс был полностью заброшен, а если там кто и обитал, то предпочел незаметно убраться. Обосноваться было решено в огромном отдельно стоящем ангаре, расположенном чуть в удалении от остальной транспортно-промышленной мешанины. Пространство вокруг ангара было абсолютно пустынно, представляя собой отличный круговой сектор обзора. За исключением закрытого пандуса, протянувшегося к основной группе зданий. Находясь на высоте добрых пяти метров, он выполнял функцию пешеходного перехода.

Само собой, все оборудование покрылось толстым слоем пыли, не говоря уже о прочих свидетельствах полного запустения. Но мы были счастливы и от такого приема. Уже на ровном полу, а не на камнях, да и не посреди чистого поля, есть где “помышковать”. Так что раздобыть дров для костра особого труда не составило. Сложней было с водой, которой поблизости не наблюдалось. Но я был уверен, что без нее существование такого комплекса невозможно, поэтому отправился на поиски. Не забыв предупредить командира, и получив в ответ лишь хмурый утвердительный кивок.

Моим первым впечатлением было полное непонимание от того, что же здесь могло произойти. Создавалось впечатление, что на предприятии полным ходом шел производственный цикл, когда оно подверглось внезапному нападению. Причем, судя по вывороченным с корнем агрегатам, с применением тяжелого вооружения. На что указывали огромные дыры, беспорядочно проломленные в стенах цехов. Но вскоре проводимый мною анализ предложил мне иную версию. И смысл проломов в стенах начал приобретать определенную закономерность.

Относительно смысла производимых здесь операций я ориентировался по установленному в цехах оборудованию. В результате чего я убедился, что половина оборудования просто исчезла. В то время как другая по большей части была демонтирована, но в виду больших габаритов, либо иных причин оказалась брошена. Однако мне было достаточно и этого, чтобы понять примерное направление поиска. Мне нужен был узел приема сырья, который судя по всему, находился в отдельном крыле.

Стоило мне по еще одному пешеходному пандусу попасть в этот цех, как я буквально почувствовал присутствие воды. В пустыне это редкое ощущение, поэтому не заметить такой признак было невозможно. Прислушавшись в царившей вокруг звенящей тишине, я не смог скрыть довольной улыбки. Где-то внизу явственно журчала вода, причем, судя по звуку, далеко не ручеек. Звук привел меня в полуподвальное помещение довольно внушительных размеров.

При свете фонарика мне открылся огромный резервуар, с расположенной на высоте не менее трех метров решетчатой площадкой по его краю. К площадке вела металлическая лестница, расположенная под вполне комфортным уклоном. Часть насосного оборудования тоже отсутствовала, в результате чего в нескольких местах вода из бассейна вытекала прямо на пол.

Однако, судя по тому, что пол в помещении имел еле заметный уклон, в глубине помещения, куда сбегала вода, находился аварийный сток.

В любом случае, беспокоиться было нечего, и установившийся в бассейне уровень не менялся уже довольно продолжительное время. Стоило взглянуть на эту необъятную водную гладь, как неизбежно возникло острое желание искупаться. Неважно, что в сумеречном освещении вода выглядела практически черной бездной, в глубине которой наверняка полно разных труб и другого оборудования. Но стоило дотронуться до водной поверхности рукой, как некогда непреодолимое желание мгновенно испарилось. Вода была обжигающе холодной, и с непривычки трудно было удерживать в воде даже руку.

Когда я притащил в лагерь четыре запотевшие “полторашки” с водой, многие заподозрили меня в связи с нечистой силой. По крайней мере, так я понял из их ответной реакции, последовавшей вслед за моим возвращением с добычей. А когда через Аслан-Бека все узнали о величине водных запасов, в стоворе с Нечистым меня заподозрили и остальные. Тем не менее, вода была нужна как никогда, в первую очередь раненым.

Некоторых уже готовили к операции, судя по уверенному обращению с инструментами одного из ваххабитов, затягивать с этим не собирались. Пока кипятили свои запасы, но с моим прибытием этот вопрос был снят с повестки дня. Вместо этого организовав полномасштабную экспедицию к бассейну, в которой, несмотря на усталость, вызвалась участвовать большая часть отряда. Даже Аслан-Бек, отбросив на время свои мрачные думы, вместе с нами отправился посмотреть на столь редкое в здешних суровых местах зрелище.

То, как Аслан-Бек включил “трубу”, я увидел, когда мы вернулись из своей командировки к источнику. Но от того, какая гримаса ненависти исказила лицо Аслан-Бека, когда он увидел номер вызывавшего на связь абонента, многое становилось понятно. Только не смотря на это, ему быстро удалось справиться со своими эмоциями. И к моменту начала разговора в его глазах светилась лишь холодная решимость. О чем свидетельствовали короткие рубящие фразы, произносимые с выражением непоколебимой решимости. Вот только не владея языком предков, суть ситуации оставалось для меня до обидного неведомой.

Потому как по лицам соратников становилось понятно, что происходит что-то из ряда вон выходящее. Я мог ориентироваться лишь на общее ощущение, как воспринимают решение Аслан-Бека мои новые подельники. Хотя и без слов было ясно, что для них слово Пахана – закон, многие из бойцов и сами одобрительно кивали, соглашаясь с правотой его заявлений. И стоило Аслан-Беку закончить разговор, вскоре все без лишней демагогии вновь вернулись к своим делам. В то время как Аслан-Бек уверенно направился в мою сторону, явно собираясь мне что-то сказать.

– Ложись спать, ночью пойдешь с нами – скорее сообщил, а не приказал он.

На что недвусмысленно указывал характер приказа, в комплексе с целеустремленным настроением нашего предводителя. Он уже хотел было идти дальше, посчитав, что сделал все необходимое, вот только у меня на этот счет имелось собственное мнение.

– Аслан-Бек, побоюсь показаться нескромным, но ты не мог бы ответить, у нас что то происходит? – спросил я, зная о присущей этой нации склонности к цветистости фраз.

– Мы завершаем джихад, и возвращаемся домой, – ответил Аслан-Бек совершенно спокойно, словно это было уже решенным делом, и теперь оставалось лишь придерживаться выбранного курса.

Что и говорить, сумел Аслан-Бек меня удивить, и, глядя в след его удалявшейся фигуре, я пытался сообразить, как теперь ко всему этому относиться. Радоваться, что оставляю театр боевых действий, где запросто можно поймать пулю даже в очень умную и осторожную голову. Или печалиться, что покидаю то место, где можно под шумок незаметно “слиться”, учитывая, что сделать это в более спокойной обстановке, возможности может и не представиться.

Но, так и не сумев прийти, ни к какому конкретному выводу, решил не заморачиваться, воспользовавшись древним правилом, что утро вечера мудренее. Тем более что в соответствии с распоряжением командира мне как раз и было приказано отправляться спать. Поэтому я постарался выкинуть из головы все мысли относительно сегодняшних событий, хотя настолько яркие впечатленья побороть было непросто. Вместо этого я сфокусировал все внимание на сладкой неге, которую испытывало изможденное тело, наконец принявшее горизонтальное положение. Кажется, я только закрыл глаза, а меня уже требовательно трясет за плечо чья-то уверенная рука. Я не выспался, все тело как деревянное, да еще и, как это принято по ночам, холодно просто адски, насколько неуместным не могло показаться такое сравнение.

Благо, что повсюду меня сопровождал мой трофейный моджахедский пиджак, в который я поспешил зябко укутаться. Вот только отсутствие рукавов по ночам ощущалось особенно остро. Днем-то, как раз наоборот, вентиляция, да и руками легче и удобней действовать. После того, как выбираясь из разбитой машины во время атаки на блокпост, я оторвал один из рукавов, мне пришлось расстаться и со вторым. Чтобы не торчала подкладка, рваный край мне девчонки потом аккуратно подшили. Но даже когда появлялась возможность сменить этот элемент камуфляжа, я не спешил этого делать. Среди боевиков встречались и более колоритные личности, потому как ни странно, мой экзотический наряд только добавлял доверия.

Однако, несмотря на наличие теплого пиджака, ночная прогулка по горам особого удовольствия не доставляла. Заняв место в самом хвосте импровизированной колонны, в состав которой входили наиболее приближенные соратники Аслан-Бека, я остался один на один с множеством терзающих меня “непоняток”. И дело даже не в том, как практически в непроглядной тьме им удавалось передвигаться с такой скоростью. Намного больший интерес у меня вызывал факт, как они вообще находили дорогу к вершине горы в этой каменной мешанине. Ведь даже если предположить, что им довелось побывать здесь раньше, то горные расщелины для меня выглядели так же однообразно, как для них наверно, наши заваленные буреломом таежные распадки.

Тем не менее, предпринятый поход был совершен не зря, не заставив пожалеть обо всем множестве выпавших на пути испытаний. Если где и суждено почувствовать себя на вершине мира – так это встречая восход в горах. Волна света плавно заливает все обозримое пространство у твоих ног, в то время как ты сам возвышаешься где-то на границе света и тьмы. Что особо ярко проявляется на примере того, как весь скальный рельеф вершины приобретает ярко выраженную принадлежность либо к ночной, либо к дневной степени освещенности.

Только не все забрались сюда ради созерцания красот, на что в первую очередь указывали действия Асман-Бека. В грузе, который мне приходилось транспортировать, было много всякого барахла, в том числе внушительных размеров бинокль. Вот только на вершину его тащил один из сопровождавших Аслан-Бека, который видимо, побоялся, что ночью в горах я могу его повредить. Потому, как только солнце осветило горизонт, наш главарь не отрывался от бинокля, обзревая окрестности.

Причем, сразу становилось понятно, что его интересует конкретный участок местности вдаль, а все остальное он осматривает на предмет возможной активности. И что характерно, похоже, он его фиксировал, судя по тому, как пару раз подолгу останавливался, наблюдая за происходящим в другом квадрате. Ох, и не прост наш командир, я прямо кожей чувствовал, что он что-то задумал. И кажется, догадывался, что именно. Но предпочитая не загадывать вперед, решил посмотреть, чем закончится наш утренний променад.

Тем более что все к тому и шло. Вскоре после рассвета вдаль послышалось мерное стрекотание вертолетов. Не приходилось удивляться, что доносилось оно именно с той стороны, куда все это время было обращено внимание командира. Разглядеть происходящее без подозрительной трубы как у Аслан-Бека, нечего было даже рассчитывать. Но если очень постараться, удавалось рассмотреть словно мелькание мошкеры где-то среди бескрайней череды горных

ущелий. Короче, без оптики здесь можно было только глаза себе сломать, и “головняк” до кучи заработать. Поэтому вместо этого я решил дать глазам отдых, воспользовавшись свободной минуткой, чтобы включить голову и разобраться со сложившейся ситуацией.

Похоже, Аслан-Бек умышленно искажил информацию относительно своего местоположения, а сейчас наблюдал за ответной реакцией. А “в ответку” прилетели пиндосы на вертолетах. Разыскивая наш отряд, они сейчас планомерно прочесывали там квадрат за квадратом. Как и следовало ожидать, не обнаружив в указанном районе даже намека на наше присутствие, вертолеты поднялись над вершинами скал, получив тем самым наиболее широкий обзор. Какими средствами наблюдения они пользовались, оставалось только догадываться, как и что им удалось рассмотреть в бесконечном нагромождении горных массивов.

Словно по команде, гул вертолетных двигателей изменился, и, судя по звуку, его источник начал постепенно приближаться. Скоро разглядеть характерные формы вертолетов стало возможно и невооруженным глазом. Как становилось понятно, что объектом их пристального внимания являлась вьющаяся среди горных склонов дорога, пролежавшая несколько правее нашего местоположения. И судя по устроенной амерами возне, по отношению к атакованной ими цели разразился персональный ад. Однако скоро стало понятно, что вертолеты вели огонь, ведя преследование, и их мишень не стремилась быть пойманной на мушку.

Петляющая у основания горных склонов дорога практически не просматривалась, но именно по ней невидимый оппонент вертолетов и пытался скрыться от преследования. Огибая горные массивы, вертолетное звено порой скрывалось из зоны видимости, но догадаться относительно их местонахождения было нетрудно. Многократно отражаясь от горных склонов, доносилась канонада скорострельных пулеметов. Порой частично перекрывавшейся шлейфом отделившихся от вертолетов дымных росчерков и последующим грохотом взрывов ракет.

Только так и не достигнув вполне ожидаемого финала, а кроме полного уничтожения противника не могло быть и речи, грохот боя внезапно прервался. Вертолеты, словно встревоженные пчелы, закружили на одном месте, словно их противник смог от них куда-то укрыться. По всей видимости, так оно и было, и скорей всего это был тоннель, оба выхода из которого остались контролировать два вертолета, в то время как два остальных устремилось по пройденному ранее маршруту, то и дело, открывая шквальный огонь по отдельным участкам.

По всей видимости, не всем машинам в колонне хватило везения достигнуть спасительного тоннеля, а их пассажирам ума скрыться в горах. По обнаруженным очагам сопротивления от вертолетов отделялось несколько инверсионных следов, и после следовавших за ними разрывов ракет, они ложились на прежний курс. Но довольно скоро они вернулись, присоединившись к оставшейся у тоннеля паре. Только для увешанного броней и оружием боевого вертолета время является решающим фактором. По сравнению со своим гражданским аналогом, горючки он жрет в разы больше, а стало быть, вскоре она должна неизбежно закончиться. Потому и дальнейшие события не заставили себя долго ждать. Покружив одной разочарованной сворой, и выпустив по входам в туннель весь оставшийся запас ракет, вертолетное звено легло на обратный курс. Значит, транспортники с десантом прислать не успевают, а кружить по порожнякам вокруг тоннеля, тоже понту особого нет.

Довольно скоро вертолеты скрылись из вида, а следом окончательно стих отраженный эхом рокот их турбованных двигателей. Вот только вслед за наступившей тишиной, особо остро почувствовалась тяжесть раздумий, охвативших всех присутствующих. Что это вообще было? Именно этот вопрос было нетрудно прочесть на лице большинства боевиков. Если бы не выражение на лице Аслан-Бека не оставлявшее сомнений, что минимум одному человеку известна вся подоплека событий. Ну и еще один догадывался, что, в общем-то, было несложно. Потому как все основания для этой догадки находились не просто на поверхности, а на вершине горы, на которую мы забрались.

Подозревая о факте предательства, Аслан-Бек намеренно указал неверное место расположения отряда, куда впоследствии и заявили амеровские вертушки. Да и кому принадлежал разгромленный ими отряд, столь своевременно оказавшийся поблизости, догадаться было несложно. Значит, заклятый враг Аслан-Бека не только слил эту информацию пиндосам, но и решил подстраховаться. Отправив команду, задача которой заключалась в том, чтобы добить тех, кому удастся выжить. Как не вызывало сомнений, что не обнаружив нашего отряда в указанном месте, вертолеты принялись прочесывать территорию, в результате наткнувшись на группу зачистки.

Последующие трое суток, что мы провели на комбинате могли стать невообразимо скучными, если бы я не нашел себе интересного занятия. Чтобы дать возможность раненым хоть немного прийти в себя, Аслан-Бек не спешил покидать территорию комплекса. Что позволило мне излазить его вдоль и поперек. И если вначале мои исследования носили скорее ознакомительный характер, то вскоре у меня появилась вполне конкретная цель. Стоило мне увидеть эту нелепую конструкцию, то вначале она вызвала у меня лишь саркастическую усмешку.

Приличных размеров емкость была установлена на первый взгляд хлипкую колесную базу, чем-то напоминавшую ходовую нашего лунохода. Но после детального рассмотрения стало понятно, что колеса были сделаны из какого-то легкого и очень прочного сплава, к тому же не подверженного коррозии. Обод колес покрывал толстый слой плотной резины, а тот факт, что передняя ось имела поворотный механизм, невольно натолкнул меня на вполне уместные размышления. Таскать на себе огромное количество груза мне уже порядком поднадоело, и возможно, имело смысл попытаться несколько разнообразить этот процесс.

Найти необходимые инструменты особого труда не составило, и вскоре я с головой окупился в творческий процесс. Первым делом я избавился от громоздкой ванны, которая сама по себе весила немало. Конечно, в нее могла поместиться большая часть поклажи всего отряда. Но тогда возрастал риск опрокидывания при прохождении наклонных участков из-за высоко расположенного центра тяжести. Вместо нее я решил собрать рамную конструкцию на уровне оси колес, что значительно добавляло устойчивости, и увеличивало полезную площадь.

Больше всего пришлось поломать голову над тем, как соединить все части в одну конструкцию. Учитывая, что грузовая платформа крепилась к осям не жестко, а через рессоры. Что позволяло осям отклоняться относительно друг друга на значительный угол. В результате получилась повозка, как нельзя лучше приспособленная для передвижения по пересеченной горной местности. Во время поисков нужных частей я обшарил все закоулки завода. И порой, разыскивая одну деталь, наталкивался на другой узел, работу над которым планировал впоследствии. Так тележка обзавелась очень удобной ручкой от гидравлического погрузчика, ремнями креплений, и множеством других полезных мелочей.

Единственное, в чем не было недостатка – так это в помощниках. И если вначале моя деятельность вызвала у однополчан саркастические улыбки. То по мере того, как конечные черты моего творения вырисовывались более четко, от желающих внести свою лепту не было отбоя. Возможно, это объяснялось вынужденным бездельем, и приподнятым настроением от скорого возвращения домой. Поэтому я мог лишь с улыбкой наблюдать, как во время испытательных тестов на телегу забралось сразу десяток здоровенных бойцов, в то время как ее без особого труда тянули всего трое.

Все работы по строительству телеги были закончены крайне своевременно, потому как на следующее утро наш отряд выступил в путь. Помимо большей части трофейного оружия на телегу были помещены четверо тяжелораненых, не способных передвигаться самостоятельно. Остальным раненым помогали идти их товарищи, придерживая с обеих сторон. Хотя теперь мне не приходилось тащить на себе огромное количество груза, наравне со всеми я был вынужден периодически “тянуть ляжку”.

Ведь основную тягловую силу составляли не те три бойца, которые тянули телегу за приспособленную впереди рукоятку. Они скорее управляли ее движением, так как она крепилась непосредственно к передней оси. Основная нагрузка ложилась на бойцов, которые тянули телегу за прикрепленные к ней веревки, перекинув петлю на конце попок туловища. Примерно через каждые полчаса обязанности таких бурлаков переходили к очередной пятерке, в одну из которых входил и я. Оставалось только порадоваться, что обязанности распределялись справедливо, и никаких признаков “дедовщины” в свой адрес я не замечал.

К этому моменту основная часть отряда уже относилась ко мне если не приветливо, то вполне толерантно. Хотя со стороны нескольких особо непримиримых личностей, я периодически ловил неприветливые косые взгляды. Только меня вполне устраивал и такой расклад. Достаточно того, что никто не пытался прирезать меня во сне, желая отомстить за смерть своих боевых товарищей во время заварушки у сторожевой башни. Поэтому после очередной “вахты” я шел в основной массе бойцов, имея из груза лишь пулемет за плечами, вместе со всеми подталкивая телегу сзади, когда дорога шла на подъем.

Конечно, сам по себе подобный метод передвижения мог показаться, по крайней мере, странным. Ведь в сознании большинства обывателей сложился стереотип, что представители радикальных исламских формирований передвигаются исключительно на белоснежных пикапах, ну или на худой конец в комфортабельных туристических автобусах. Вот только насколько я успел понять, к отряду Аслан-Бека подобная ситуация не имела никакого отношения. Это были ярко выраженные представители так называемой “старой школы”. Предпочитая шумным “покатушкам” скрытное перемещение по труднопроходимым районам. Где шанс попасться кому-либо на глаза сведен к минимуму.

Тем более что в сложившейся ситуации подобная тактика была абсолютно оправдана. Ведь мы в прямом смысле оказались со всех сторон окружены врагами. Об америкасах, имевших массу оснований поквитаться с нами за уничтожение отряда спецназа и говорить не приходилось. Но и встреча с регулярными частями Египетской армии тоже не предвещала ничего доброго. И в довершение всего, стоило засветиться перед кем-то из своих единомышленников, это немедленно станет известно кровнику нашего атамана. И как при таком раскладе будут развиваться дальнейшие события, я не брался даже предположить. Ведь уничтожение его отряда американскими вертолетами, еще больше увеличило разделявшую их пропасть кровной вражды.

Конечно, оставалась опасность быть обнаруженными американскими разведывательными беспилотниками. Да и возможность наблюдения этого района из космоса тоже исключать нельзя. Но стоило мне поделиться своими опасениями с Аслан-Беком, как я был поднят им на смех. Более того, не придумав ничего лучше, он поделился этой информацией со всеми членами отряда. В результате чего весь остаток дня не смолкали шутки и смех по этому поводу. Ну и ладно, ведь не владея языком, весь их издевательский смысл, оставался для меня неизвестен. Зато во мне все более крепло убеждение, что хорошо смеется тот, у кого последнего кончаются патроны.

Глава

II

Благодаря созданному мной транспортному средству нам удавалось поддерживать неплохой темп движения. Что позволило за пять дней пути удалиться от места последней схватки на приличное расстояние. Но даже обманчивое чувство безопасности не могло заставить нашего предводителя потерять бдительность. На всем протяжении пути впереди отряда неизменно двигались передовые дозоры, да и во время ночных стоянок мерам безопасности уделялось самое пристальное внимание.

В ту ночь моя смена выпала под самое утро, когда желание закрыть глаза преследует наиболее остро. И судя по всему, мой сегодняшний напарник не смог избежать подобного иску-

шения. Что и не удивительно, ведь по вполне понятным причинам, поговорить, коротая время дежурства, у нас возможности не было. Поэтому пока Махмуд, запахнувшись в выдавший виды ватный халат, сладко посапывал, прислонившись к основанию скалы, навороченный бинокль со встроенным тепловизором, оказался в моем полном распоряжении. Если не ошибаюсь, этот продвинутый девайс достался нам в качестве трофея в последнем бою. И если честно, я просто не представлял, как без подобного прибора вести наблюдение в кромешной тьме Восточной ночи.

Во время нашего путешествия по пустыне данная проблема настолько остро не стояла. Чтобы держать под контролем ровную поверхность пустыни, света звезд хватало с избытком. Совсем иное дело горная местность, где мешанина скал и образованных ими теней становилась серьезным испытанием для невооруженного глаза. Оставалось только порадоваться, что в комплекте с прибором шла миниатюрная солнечная батарея, позволявшая полностью зарядить аккумулятор в течение дневного перехода.

Лежа на гребне небольшого горного образования, и осматривая в тепловизор раскинувшийся внизу скалистый рельеф местности, я не упускал возможности в спокойной обстановке проанализировать сложившуюся ситуацию. Задача побега продолжала оставаться приоритетной, вот только подходящей возможности все никак не представлялось. Конечно, можно перерезав глотку своему напарнику, пуститься в бега прямо сейчас. Вот только зная возможности моих теперешних соратников, результат устроенной на меня охоты сомнений не вызывал. Не говоря уже о том, что подобная беспечность со стороны моего напарника выглядела, по крайней мере, провокационно.

Но в этот момент размеренное течение моих мыслей прервало еле уловимое движение на самой границе видимости. В разрыве между двух здоровенных валунов промелькнул четко различимый человеческий силуэт. Следом второй, третий, пятый, десятый. Сбросив с себя ступор, вызванный столь внезапным появлением любителей ночных прогулок, не меняя позы, я толкнул ногой своего беспечного коллегу. Следует отдать должное, проснулся он моментально, что отчасти подтвердило мои подозрения в его адрес.

– Зови Аслан-Бека, – без лишних церемоний тихо произнес я.

Конечно, у нас была и рация, но я полагал, что здесь требуется его личное присутствие. После чего вновь прильнул к окулярам, предоставив тому действовать в силу своей сообразительности. Но как я успел убедиться, тугодумов в нашем отряде не было. Поэтому пока я пытался вновь отыскать место появления отряда, позади послышался еле различимый звук шагов поспешно удалявшегося напарника. Вскоре мне вновь удалось найти те приметные валуны, и тревожное предчувствие овладело мной с новой силой. Мелькание фигур продолжалось с прежней интенсивностью, что означало присутствие довольно крупного отряда.

Предположив, что отряд движется в нашу сторону, предсказать место их следующего появления особого труда не составило. Огибая основание каменистой возвышенности, вскоре головная часть колонны вновь предстала моему взгляду. В это время я даже не услышал, а скорее почувствовал движение позади себя, после чего место рядом со мной бесшумно заняла фигура Аслан-Бека. Не вдаваясь в долгие объяснения, я передал ему тепловизор, и указал направление поиска. И хотя расстояние до противника позволяло не опасаться быть обнаруженным, продолжал неподвижно лежать на прежнем месте.

Судя по тому, что вскоре бинокль в руках Аслан-Бека замер в одном положении, найти обнаруженный мною отряд, особого труда ему не составило. Только одна минута тянулась за другой, а он продолжал вести наблюдение, по всей видимости, пытаясь оценить боевой потенциал противника. Хотя, возможно не только. Судя по тому, как оторвавшись от окуляров, без промедления перешел к решительным действиям.

– Идем со мной, – коротко бросил он мне, передавая бинокль моему напарнику.

Ну что же, вполне логично, оставшийся на наблюдательном посту Махмуд, на вооружении имел автомат, в то время как мои способности в обращении с пулеметом уже ни у кого не вызывали никаких сомнений. Поэтому не следовало удивляться, что в преддверии очередного крутого замеса Аслан-Бек предпочитал видеть меня поблизости. И не исключено, что в случае крайней нужды без сомнения кинуть в самое пекло. Но так как конкретных указаний пока не поступало, я исполнял роль ординарца при командире. Но и просто наблюдать со стороны происходивший в лагере ажиотаж, довольно скоро мне стало скучно.

И пока Аслан-Бек приводил отряд в боеспособное состояние, я нашел себе занятие поинтересней. Наскоро разровняв площадку поблизости, я начал наносить схематичный рисунок рельефа окружавшей нас местности. Особо кропотливо подойдя к вопросу точного отображения окрестных возвышенностей. Когда создание карты подходило к завершающему этапу, на мое занятие обратил внимание Аслан-Бек. После того, как он всмотрелся в изображенную мной карту, своей рисовальной палкой я указал на точку, где нами был обнаружен отряд. Аслан-Бек лишь кивнул, вновь всмотревшись в схему. Настораживало то, что ситуация выглядела чересчур предсказуемо.

Подойти к нашему лагерю отряд противника мог лишь по одному маршруту, если не решат покорять хребты горных образований, выросших у них поперек дороги. Только, учитывая их излишнюю тучность, это вряд ли, пусть даже если это нарощенная на анаболиках мышечная масса. В горах они чувствуют себя некомфортно, поэтому предпочтут пойти по единственному имевшемуся проходу.

Только пока мы с глубокомысленным видом буравили карту глазами, на связь вышел мой недавний коллега наблюдатель. Пришедшее сообщение, наконец, расставило все по своим местам. С другой стороны хребта показалась колонна бронетехники, подошедшая по дороге, расположенной в нашем тылу. Не трудно догадаться, что обе группы действовали слаженно, координируя свои действия при помощи средств связи. На фоне пятерки стандартных Хамви, с их штатным пулеметным вооружением, наличие в колонне двух Абрамсов неприятно напрягало. Но и они делов наделять могут выше крыши, понятно лишь, почему их всего два. Горючки танк жрет немеряно, поэтому чтобы на нем воевать, нужно чтобы за каждым ехал персональный топливозаправщик.

И хуже всего даже не то, что противопоставить им кроме повсеместно принятых здесь РПГ, практически нечего. Потому механизированная колонна и заходила с той стороны, что местность там имела более ровный характер. И если колонна сможет преодолеть участок коварной осыпи у основания хребта, мы окажемся под дулами их орудий. В то время как пешая группа атакует, заходя с другой стороны хребта, беря наши позиции в “клещи”.

Подняв голову, теперь я оглядел склон хребта визуально, прибросив расстояние до двух наиболее характерных возвышенностей, расположенных на его краях. Получалось, что не так уж далеко, да и склон не отвесный, значит, можно пройти без специального снаряжения. После чего указал палкой в эти места на изображенной мной карте. Одного взгляда на созданное мной изображение было достаточно, чтобы понять, какой шикарный угол обстрела открывался с каждой из вершин. Причем именно на те участки, которые предстоит преодолеть противнику, чтобы попасть на эту сторону хребта.

– Один пулемет лучше поставить здесь – сказал я, задержав палку на вершине справа, откуда ожидалось появление пешей группы.

Но это было очевидно и без слов, поэтому Аслан-Бек лишь согласно кивнул головой. Главное беспокойство вызывало левое направление, где под прикрытием бронемашин пойдут танки. Двигаясь по склону, вся техника неизбежно подставляла борта, вот только из РПГ там не достать.

– А сюда пойду я, – произнес я тем же уверенным голосом.

– Разобрался? – спросил Аслан-Бек, быстро уловив суть моего замысла.

– Да вроде разобрался, – не скрывая своего неуверенного тона, откровенно произнес я.

Не смотря на то, что в первые дни, среди всей массы груза, что мне пришлось нести, особо “теплые” чувства у меня вызывала громадина ракетной установки. Тем не менее, я смог преодолеть эту неприязнь, и один из вечеров потратил на то, чтобы познакомиться с ней поближе. Вопреки моим опасениям, следуя схемам в инструкции, мне довольно быстро удалось привести установку в боевое положение. Дальнейшие иллюстрации не оставляли сомнений, что захват цели производился при обнаружении тепла, излучаемого потенциальной целью.

Наведя прицел на костер, я увидел, что его изображение на экране немедленно захватил жирный курсор прицела. После чего внизу появилась надпись как на последнем рисунке, и пусковая клавиша предупредительно засветилась. На расстоянии ста метров от костра, прицел продолжал уверенно обнаруживать его излучение, а отойти дальше не позволяли габариты ангара. Судя по всему, в боевых условиях ориентиром служило излучаемое целью тепло, которое обнаружить значительно сложнее, чем открытый огонь. В то время как по инструкции, расстояние до цели могло составлять не менее пятисот метров. Притом, что на этом расстоянии гарантированно обнаруживалось излучение двигателей малоразмерных целей. В то время как танк мог быть обнаружен и на значительно большем удалении.

Вся эта информация всплывала в моей памяти, пока я вытаскивал из телеги установку, и короб с запасными ракетами. Чтобы снова навесить на себе этот опостылевший груз, мне пришлось избавиться от пулемета. Учитывая, что придется карабкаться по скалам, весь груз пришлось весить на спину, и места для другого оружия там больше не оставалось. В том числе и по весу, ведь каждый дополнительный килограмм за спиной тянул назад, что и с одной только установкой могло быть чревато. Хотел взять автомат, но передумал. Даже его относительно скромный вес за спиной был не желателен, а спереди будет мешаться.

Тщательно закрепив груз, и для проверки несколько раз подпрыгнув, я вытащил из телеги покрывало, накинув на себя сверху. После того, как Аслан-бек помог расправить складки покрывала на установке, я оказался полностью укрыт этим импровизированным камуфляжем. Мало того, что серый цвет покрывала полностью сливался с окружающим ландшафтом, характерные контуры человеческой фигуры надежно скрывались под его бесформенными складками.

Вопреки ожиданиям, теперь командир отнесся к моей предусмотрительности без прежнего сарказма. Сообразив, что подобным образом я пытаюсь скрыть свои передвижения от возможного наблюдения сверху. Вместо этого, переключившись на подготовку к организации обороны. Первым делом, приказав пулеметчику Мустафе, на вооружении которого состоял наиболее крупнокалиберный агрегат, занять позицию на склоне справа. Судя по неприязненному взгляду, которым меня наградила здоровяк Мустафа, он успел сообразить, что это задание скорее для самоубийцы, и кому он им обязан. Поэтому, напоследок я посоветовал Аслан-Беку отправить с Мустафой кого-нибудь в прикрытие.

По сравнению с моим прошлым восхождением, мое сегодняшнее турне представлялось как легкая прогулка. По крайней мере, на начальном этапе восхождения, когда наибольшую проблему представляли огромные валуны, хаотично разбросанные по всей поверхности склона. Но пока их удавалось благополучно обходить, не особо отклоняясь от выбранного маршрута. Но имея за спиной тяжеловесную громадину ракетной установки, на удовольствие от такой прогулки рассчитывать не приходилось. Тем не менее, тщательно просчитывая каждый шаг, и активно помогая себе руками, вскоре мне удалось достичь гребня хребта.

Где-то левой меня, скрытый каменным нагромождением располагался наблюдательный пункт, в то время как мне предстояло свернуть направо. Хотя солнце еще не успело выглянуть из-за окружающих нас горных вершин, ночная мгла уже полностью рассеялась. В результате чего мне удалось обнаружить некое подобие тропы, петлявшей по гребню в нужном мне направлении. Благодаря чему помимо определенного комфорта передвижения, данное при-

родное образование надежно закрывало меня с боков, предоставляя гарантию скрытного передвижения.

Только, как известно, все хорошее быстро заканчивается, и в моем случае, это произошло с прибытием к основанию возвышенности, являвшейся целью моего путешествия. Стоило осмотреть предстоящий маршрут, как стало понятно, что о прежней расслабленности можно забыть. И хотя это была не отвесная скала, но изломанный характер склона изобилдовал широкими разломами, и прочими проблемными участками. Вот только времени, чтобы детально проработать маршрут восхождения, у меня уже не оставалось. Поэтому, прибросив первоначальный курс, я решительно приступил к штурму вершины.

Не болтайся у меня за плечами несколько десятков килограмм груза, все выглядело не настолько мрачно. А так я несколько раз едва не сорвался, когда преодолевая очередной коварный участок, чуть не выпускал из рук точку опоры, увлекаемый раскачивавшимся за спиной грузом. В результате чего был вынужден значительно сбавить темп, справедливо полагая, что излишняя поспешность может стоить слишком дорого.

Отразившись от горных склонов, тяжелый рокот крупнокалиберного пулемета Мустафы, наглядней всего продемонстрировал цену каждой минуты промедления. Следом его подхватила многоголосая автоматная скороговорка, с перекрывавшим их шумный спор гулким уханьем гранат. Только продвигаясь по узкому уступу, вжимаясь в скальный монолит грудью, пока не удастся нащупать очередную возможность за что-нибудь зацепиться, у меня пока хватало и собственных проблем. Создавалось ощущение, что я уже обломал себе все ногти, да и предательскую дрожь перенапряженных ног становилось все трудней сдерживать.

Но словно в награду за проявленную стойкость и выдержку, как только уступ закончился поворотом, впереди открылась относительно ровная площадка. От которой до вершины оставалось буквально рукой подать, как по расстоянию, так и относительно крутизны склона. Последние метры до вершины я преодолел практически на четвереньках, мало заботясь относительно презентабельности подобного способа передвижения. Главное, что таким образом я не только достиг намеченной цели значительно быстрее, но и сам оставался надежно укрыт среди невысокой каменной россыпи.

А когда сверху внезапно раздался оглушительный грохот вертолетного двигателя, перекрываемого характерным свистом винтов, я инстинктивно припал к основанию ближайшего валуна. Как ему удалось подойти так близко, оставаясь не обнаруженным, меня сейчас интересовало меньше всего. Важнее то, что промчавшись мимо, он целенаправленно устремился к нашим позициям. И судя по тому, что его маршрут его движения пролегал над вершиной, где обосновался Мустафа, было не сложно догадаться, кто являлся его первой целью.

Дымные росчерки ракетных залпов, ударивших по пулеметной позиции неуправляемыми ракетами, накрыли соседнюю вершину гроздьё мощных разрывов. В точном соответствии с общепринятой тактикой, вертолет промчался над атакованной целью, после чего заложил крутой вираж, отправляясь на новый заход. Что для нас означало появление на поле боя столь мощного игрока, было понятно даже слепому. Поэтому, если я и раньше не питал особых иллюзий относительно наших шансов на победу, то теперь вероятность благополучного исхода выглядела попросту фантастично.

По крайней мере, если нам не удастся вновь вернуться к прежней диспозиции, восстановив статус-кво. А для этого следовало исключить из уравнения этот назойливый винтокрылый гемор, присутствие которого сейчас жутко напрягало не только одного меня. Конечно, реально оценивая расклад сил, неизбежно посетила мысль, а стоит ли вообще вмешиваться в этот замес, и не проще ли попросту отсидеться. Но мелькнув где-то на периферии сознания, эта мысль была немедленно отброшена. Бежать и прятаться в тот момент, когда моя месть за смерть друга имеет все шансы достигнуть своего апогея, выглядела просто абсурдной.

Пока вся эта мешанина мыслей проносилась у меня в голове, словно живя своей жизнью, тело уже действовало на автомате. Чтобы стащить со спины ракетную установку, и привести ее в боевое положение, не рискуя быть обнаруженным с вертолета, мною была облюбована небольшая расщелина поблизости. Оставалось только порадоваться, что ракета уже находилась в установке, что позволило мне справиться с поставленной задачей в кратчайшие сроки. По крайней мере, пока заложив боевой разворот, вертолет возвращался на новый заход, я в точном соответствии с инструкцией, успел выполнить все пункты предстартовой подготовки. И когда это поджарое бронированное насекомое вновь пронеслось у меня над головой, захватил в прицел излучаемый им тепловой след, и хладнокровно нажал на спуск.

После довольно ощутимого толчка, с которым установка выплонула свой снаряд, окатив меня эхом выхлопа реактивной струи, ракета стремительно рванулась вслед удалявшемуся “Апачу”. И если по характеристике эта ракета была способна угнаться за реактивным самолетом, то стоит ли удивляться, что она достигла вертолета раньше, чем ее обнаружили. По крайней мере, на это указывал тот факт, что до момента столкновения с боевой частью ракеты курс заходившего на цель вертолета не менялся. А после попадания его буквально переломило пополам, разорвав на две части, и обрушив неуправляемой массой к основанию гряды.

Возможно, ударив в основание хвостовой части вертолета, заряд ракеты угодил в своеобразный “нервный узел” конструкции. Вот только в полной мере насладиться произведенным мной фурором времени у меня не было. Вместо этого я начал спешно заряжать в недра установки очередной заряд. Ведь одного взгляда на расположенный внизу склон хватило, чтобы понять, что и там срочно требовалось мое вмешательство.

Возглавляемая танками бронированная колонна, уже преодолела большую часть склона, уверенно подбираясь к его гребню. Откуда наши позиции открывались для них в зоне прямой видимости. Радовало хотя бы то, что на зыбучей поверхности склона неуклюжие “Хамви” не могли соперничать со своими гусеничными предводителями, пытаясь преодолеть склон, двигаясь наискосок. В то время как танки, хоть и отчаянно буксуя, уверенно двигались напрямую к цели.

Несмотря на довольно приличное расстояние, отделявшее меня от бронированной колонны, захватить в курсор прицела жирное пятно теплового излучения головного танка особого труда не составило. И вновь нажимая спусковую клавишу, меня беспокоило совсем другое обстоятельство. Допустим, для тандемной части заряда ракеты справиться с динамической броней вполне по силам. Головная часть заряда активирует срабатывание направленного взрыва динамической секции, после чего броня прожигается расположенным позади кумулятивным зарядом. А вот как ракете удастся обойти активную защиту танка, предназначенную для защиты от ракеты еще на подлете?

Потому, забыв на время о необходимости вновь зарядить установку, я с волнением наблюдал за дальнейшей судьбой выпущенного мной снаряда. И в какой-то мере мои опасения сбылись в полной мере. Когда огонек выхлопа реактивной струи ракеты слился с контуром танка, бронированный монстр окутала дымовая завеса от сработавших зарядов, ударивших навстречу приближавшемуся снаряду. Только за долю секунды до этого, словно почуввав грядущую ей опасность, ракета резко изменила траекторию, взмыв круто вверх, уходя от устремившегося ей навстречу града картечи. После чего, так же внезапно сманеврировав, обрушилась сверху, угодив позади башни танка, где размещался двигатель.

И если первый хлопок, обозначивший подрыв головной части заряда особого впечатления не произвел, то ударивший следом снаряд ревущего пламени ознаменовал последние секунды жизни бронированного монстра. О силе взрывной волны сметавшей боеукладки можно было судить хотя бы по тому, что ударная волна достигла даже моей позиции. Что уж говорить о самом танке, с которого попросту сорвало многотонную башню, с легкостью отбросив ее на несколько десятков метров.

Не нужно говорить, что к моменту запуска последней ракеты от прежнего неуверенного настроения не осталось и следа. Впрочем, и не удивительно, учитывая, что у меня хватало беспокойства совсем другого рода. Вероятно, противнику удалось определить место старта ракеты, и теперь вершину скалы буквально поливали огненным свинцом из всех орудий. Чтобы иметь возможность произвести прицеливание, и не угодить под тяжеловесные очереди крупнокалиберных пулеметов, мне пришлось спуститься чуть ниже. И выбрав место у основания огромного гранитного монолита, в относительной безопасности я смог провести завершающий этап захвата цели.

Но, несмотря на огромный риск получить крупнокалиберный заряд в голову, не проследить за дальнейшим развитием событий было попросту выше моих сил. И оставалось только порадоваться, что после того, как ракета устремилась к цели, плотность огня значительно снизилась. Оно и понятно, ведь если не удалось воспрепятствовать запуску, продолжать курочить горную вершину уже не имело никакого смысла. И теперь всех присутствовавших не меньше меня интересовало, какой результат будет иметь атака на последний уцелевший танк.

Что и говорить, если после первого удачного подрыва одного из «Абрамсов», я кардинально пересмотрел свое отношение к совсем недавно проклинаемой мной громаде установки. То после того, как сноп огня и дыма окутал и второй танк, восхищению этим оружием у меня не было предела. Напрасно механик-водитель пытался развернуть танк навстречу подлетающему заряду. Атаковать танк в лобовую броню, ракета по-прежнему не изъявила ни малейшего желания. Вновь заложив крутую «горку», и в точном соответствии с заложенной программой, ударив в кормовую часть танка.

С той лишь разницей, что несколько дальше от башни, в результате чего подрыва боеукладки на этот раз не последовало. Хотя, это мало что меняло, и тугие снопы дыма и пламени, повалившие из всех щелей поверженного танка, наглядно продемонстрировали печальный конец этого бронированного колосса.

Учитывая, что боеприпасов к ракетной установке больше не осталось, оставаться на вершине скалы уже не имело смысла, как и тащить обратно саму установку. Только, учитывая тот вклад, который она внесла в ход боя, бросить этот уникальный образец вооружения у меня попросту рука не поднялась. Бережно замотав установку в покрывало, я поместил ее в неглубокую расщелину, после чего сверху завалил мелким каменным крошевом. Правда, напоследок я не смог отказать себе в удовольствии бросить взгляд на недавнее поле боя на склоне.

По понятным причинам самым эпичным зрелищем являлись два отчаянно дымивших «Абрамса», еще недавно внушавших трепет одним только своим грозным видом. После их бесславной гибели, «Хамви» стали похожи на свору бродячих псов, лишившихся своего вожака. Три из них приблизились к поверженным гигантам, хотя было не сложно догадаться, что спасти членов их экипажей можно уже не рассчитывать. В то время как оставшиеся два, стремясь выполнить поставленную задачу, продолжали самоотверженно штурмовать склон. Вот только мне сверху было хорошо видно, что происходит на гребне склона. И промелькнувшая там фигура с четко узнаваемой трубой РПГ не оставляла сомнений, что броневики там ожидают в прямом смысле горячий прием.

Только если здесь ситуация опасений не внушала, то развитие событий на другом фланге вызывало у меня немалое беспокойство. Насколько я понял, первая атака «Апача» результата не принесла, по крайней мере, уничтожить пулеметную позицию Мустафы с первого захода ему не удалось. Только если раньше рокот его пулемета молотил ровно и монотонно, то теперь ритм стрельбы значительно изменился. Очереди стали рваными и бессистемными, словно на вершине шел бой, и Мустафа был вынужден отбиваться от наступавшего противника. Поэтому вместо того, чтобы спуститься вниз, где заняла оборону основная часть нашего отряда, я принял другое решение.

Пробираться среди каменного нагромождения гребня скалы доставляло довольно сомнительное удовольствие даже налегке. А если делать это в спешке, словно горный козел, перескакивая с одного валуна на другой, можно запросто переломать себе ноги или свернуть шею. Вот только все более различимый шум боя в районе стратегической позиции, на которой обосновался Мустафа, вынуждал пойти на определенный риск ради достижения максимальной скорости передвижения. И как оказалось не зря.

Когда я уже мог уверенно ориентироваться относительно места позиции Мустафы по грохоту его пулемета, последняя очередь оборвалась буквально на втором патроне. И если даже мне, не особо опытному, как вояке вообще, так и пулеметчику в частности, стал понятен смысл происходящего, то и противник, наверное, тоже в подсказках не нуждался. У Мустафы закончилась лента с патронами, и сейчас brave спецназовцы наверняка бросились на штурм, чтобы максимально воспользоваться сложившейся ситуацией. И словно в подтверждение моих слов, впереди раздалось несколько гулких хлопков гранат. По всей видимости, амеры уже достаточно приблизились к позиции Мустафы. И перед решающим штурмом, решили таким образом обезопасить себя от возможных сюрпризов.

Что и говорить, в такой ситуации мое появление могло стать очень своевременным. Если бы не то обстоятельство, что я был практически безоружен. Ведь намереваясь прийти на помощь Мустафе, я рассчитывал воспользоваться оружием прикрывавшего его бойца. А теперь, не исключено, что в бой придется вступать “с ходу” с тем, что есть. И если раньше я мог рассчитывать только на верную Бабочку, неизменно сопровождавшую меня во всех испытаниях, то теперь у меня появился еще один фаворит. Несмотря на свой солидный вес и габариты, громада Кольта уверенно поселилась в кобуре на моем поясе. И теперь я мог лишь благословить свою эстетскую натуру, заставившую неразлучно таскать с собой это грозное оружие.

Выдернув из кобуры свою карманную артиллерию, и взведя курок, я преодолел последние метры подъема. И обогнув громадный валун, смог оценить сложившуюся диспозицию. Относительно того, что напарник Мустафы исключен из хода боя, я догадывался и раньше, потому как его автомат участия в перестрелке не принимал. И его окровавленное тело, лежавшее в позе изломанной куклы возле небольшой воронки, не стало для меня сюрпризом. Да и сам Мустафа выглядел не намного лучше. Окровавленная нога давала исчерпывающее объяснение, почему он пытается перезарядить пулемет в довольно неудобной для этого позе.

Привалившись к основанию скалы, и вытянув раненую ногу, непослушными руками он пытался установить в затворный механизм начало новой ленты. И виной его неуверенных движений являлась не раненая нога, а пятно крови на левом плече, густо пропитавшее рукав камуфляжа до самого локтя. Что и говорить, досталось здоровяку прилично, и уже сам по себе тот факт, что он до сих пор не свалился от потери крови и болевого шока, мог вызывать искреннее уважение. Но если подобный пример стойкости и мог произвести на кого впечатление, то только не на противоборствующую сторону.

Действуя грамотно и слаженно, в обход скалы двигались пятеро спецназовцев. И даже предчувствие скорой победы не смогло заставить их забыть о мерах предосторожности. Если двое, идущие впереди, увидев вытянутую ногу Мустафы, готовились покончить со своим противником, то остальные трое тщательно “пасли” свой сектора ответственности. Потому и мое появление не осталось незамеченным, не позволив во всей полноте использовать эффект неожиданности. Вот только если любой нормальный человек, оказавшись в подобной ситуации, инстинктивно пытается найти укрытие, то я уже давно расстался с иллюзией относительно своей адекватности. Сталкиваясь с превосходящими силами, предпочитая не искать путей отступления, а вопреки всякой логике, бросаясь навстречу опасности.

Во многом причиной дальнейшего развития событий послужило то, что двигаясь плотной группой, противник сам создал мне идеальные условия. Признаться честно, такое произошло со мной впервые. Я словно смотрел на себя со стороны, к тому же в состоянии замедлен-

ной съемки. Или это была своего рода игра подсознания, основанная на воспоминаниях об увиденных в детстве “вестернах”. Даже не задумываясь, чтобы увеличить скорострельность, я начал использовать запомнившийся в них прием. На ходу стреляя “от бедра”, после очередного выстрела, я как бывалый ковбой взводил боек ладонью левой руки. А когда после очередного нажатия на курок последовал лишь сухой щелчок, совсем не по киношному, со всей силы швырнул свой увесистый револьвер в лицо последнего оставшегося на ногах спецназовца.

Что в револьвере были за пули, оставалось только догадываться. Может быть и стандартные, а может для столь эксклюзивного ствола, его прежний владелец заморочился, и раздобыл какую-то особую “начинку”. И если изначально я рассчитывал исключительно на останавливающий эффект крупнокалиберной пули, если и не пробившей бронежилет, то сравнимой с ударом кувалды, то в результате меня ожидал приятный сюрприз. Выпущенные мной снаряды уверенно пробивали современные доспехи спецназовцев, о чем недвусмысленно свидетельствовали фонтаны крови в местах их попадания.

Моему последнему визави, в конечном счете, остановившему полет Кольта своей каской, повезло больше других. При общей “раздаче” он получил лишь ранение плеча, да и то по касательной. Но даже это ранение заставило его потерять равновесие, а прилетевший в голову револьвер окончательно сбил с толку. Чем я и не замедлил воспользоваться. Стремительным рывком сокращая разделявшее нас расстояние, одновременно я выхватил из кармана пиджака Бабочку. Молниеносным движением кисти, выпустив наружу ее смертоносное жало, я с ходу нанес удар выше ворота бронежилета в горло своего противника. Продолжив движение кистью с зажатым в ней ножом, резким движением от себя я высвободил Бабочку из шеи спецназовца, попутно перебив трахею и обе сонные артерии.

Усвоив уроки прошлого, в последний момент я отпрянул в сторону, уворачиваясь от мощного фонтана крови, густым потоком вырвавшегося из горла противника. И как не странно, эта чистоплюйская манера сослужила мне добрую службу. Двигаясь по инерции, туша спецназовца оказалась на моем месте, когда ему в спину ударила автоматная очередь. В очередной раз, поменяв направление движения, тело американца начало заваливаться мне навстречу, тем самым невольно прикрывая меня от незваного визитера.

По всей видимости, за передовым звеном двигалась группа их прикрытия, к данному моменту достигнув пулеметной позиции на вершине. Став свидетелями устроенной мною резни, brave американские солдаты предпочли не бросаться в бой как их предшественники, а действовать с безопасного расстояния. И если раньше их останавливало наличие на линии огня своих сослуживцев, то теперь следовало ожидать массированного обстрела.

Прикрываясь телом так своевременно подвернувшегося благодетеля, я лихорадочно размышлял над создавшейся проблемой. В то время как моя рука невзначай наткнулась на гранату в кармане его “разгрузки”. Всегда думал, что выдергивать чеку, ухватив кольцо зубами, крайне непрактично, как верный путь к стоматологу. Только, одной рукой продолжая удерживать прикрывающее меня тело, другого выхода у меня не оставалось. Благо, что бросать гранату далеко не нужно, потому как из положения лежа делать это не совсем удобно.

Край склона, откуда по мне велся шквальный огонь не менее чем из трех стволов, находился не далее чем в двадцати метрах. Поэтому основная проблема заключалась как раз в том, чтобы не забросить гранату дальше, чем требовалось. Но даже из столь невыгодного положения мне удалось по широкой дуге отправить ребристый “гостинец” точно в ряды засевшего на гребне неприятеля. И после истошного вопля, грохот автоматных очередей, крупной дрожью терзавших прикрывавшее меня тело, наконец-то смолк. Ну а последовавший затем глухой взрыв прозвучал для меня почти как музыка, ставшая заключительным аккордом исполненной мною увертюры.

Но останавливаться на достигнутом успехе никогда не являлось моим правилом. Выдернув из разгрузки спецназовца две оставшиеся гранаты, я отправил их вслед за первой, поста-

равшись, чтобы сектор разлета осколков накрыл наибольший периметр подхода к нашей позиции. После чего, вооружившись изъятым у него же автоматом, рискнул выяснить обстановку. Тел на склоне не обнаружилось, что меня несколько не удивило. После первой гранаты амеры предпочли благоразумно отойти вниз по склону, где имелось достаточное количество надежных укрытий. И стоило им заметить на гребне мое появление, как они азартно открыли по мне шквальный огонь.

Но только долго “отсвечивать” я здесь не собирался, и быстро выяснив обстановку, вновь исчез из их поля зрения. Да и вообще, воевать с ними в мои планы не входило, учитывая, что у меня хватало и более важных дел. Шум боя у основания хребта, где происходила основная схватка, не умолкал ни на минуту. Можно было не сомневаться, что после того как Мустафа перестал “кошмарить” боевые порядки противника с фланга, те значительно приободрились. И воспользовавшись численным преимуществом, попытались предпринять решительное наступление, с целью окончательно сломить последние очаги сопротивления.

Но прежде чем спутать противнику все планы, вновь ударив ему во фланг, требовалось обезопасить себе тыл. Поэтому первым делом я метнулся к Мустафе, продолжавшему ошарашено наблюдать за моими действиями. Выхватив по пути у одного из мертвых спецназовцев аптечку, первым делом я вкатил Мустафе двойную дозу противошокового препарата. Учитывая его габариты, “передоза” можно было не опасаться. Зато это гарантировало, что он сможет продержаться какое-то время, прикрывая меня от попыток противника вновь захватить вершину.

Дождавшись, когда под действием препарата его взгляд вновь примет осмысленное выражение, я ткнул пальцем сначала ему в грудь, а после указал в сторону склона. После того, как тот с готовностью кивнул, полностью согласившись с предложенным мной планом, я помог ему подняться на ноги, и доковылять до гребня. Пока он устраивался на позиции, я “метнулся” к трупам спецназовцев, вернувшись, стигаясь под грузом массы самого разнообразного барахла. Чтобы больше не отвлекаться, я принес Мустафе три автомата, четыре разгрузки, в которых находились запасные рожки с боеприпасами и гранаты. А так же аптечки, чтобы при возможности он смог сам сделать себе перевязку и остановить кровотечение.

Вот теперь со спокойной душой можно было заняться наиболее важными делами. Подхватив громадину “Утеса” с уже заряженной Мустафой лентой, я расположился на его прежней позиции. Что и говорить, вид на поле боя отсюда открывался просто идеальный. И даже, несмотря на то, что расстояние до противоборствующих сторон составляло не менее километра, мне быстро удалось разобраться в ситуации. Противник наступал широким фронтом, полукольцом уверенно охватывая позиции нашего отряда. Грамотно используя пересеченный рельеф местности, настойчиво тесня значительно поредевшие остатки нашего отряда. В результате чего боевые порядки американских солдат уже миновали мою позицию, открывшись мне даже не с фланга, а скорее с тыла.

Пристроив “Утес” на плоском валуне, я поймал в прицел группу спецназовцев, расположенных ко мне ближе всего, и нажал на спуск. Учитывая калибр этой “машины”, практически вдвое превосходящий привычный ПКМ, и отсутствие штатной треноги, ответственной за его устойчивое положение, результат оказался вполне предсказуемым. В сторону выбранной мною цели отправилось разве что два первых заряда, в то время как остальную часть очереди разметало в разные стороны. Конечно, пулемет весит почти тридцать килограмм, и сама станина столько же, вот Мустафа и предпочел этому на его взгляд бесполезному грузу набрать больше патронов. Но если этому “лосю” без особых проблем удавалось сдерживать бешеную отдачу “Утеса” и без станины, то моего веса на это было явно недостаточно.

В результате, чтобы хоть как-то справиться со своенравным характером пулемета, работать приходилось короткими очередями по три – четыре патрона. После чего приходилось буквально ловить пытавшийся вырваться из рук пулемет, и вновь производить прицеливание. Но

даже столь малая плотность огня возымела поразительный эффект. Оно и понятно – вертолет сбили, танки спалили, а судя по отсутствию на поле боя броневиков, на них тоже можно не рассчитывать. Тут кто угодно запаникует, особенно если в тылу вновь активизировалась пулеметная позиция, про которую думали, что она давно уничтожена.

Только следует признать, что решающее влияние на перелом в ходе боя произвели действия моих новых соратников. Словно почувствовав неуверенность противника, перешедших в решительное наступление. В результате чего мои приоритеты в выборе цели значительно изменились. Теперь я не обращал внимания на открывшихся солдат противника, которые отступали, накрывая позиции тех, что продолжали вести прицельный огонь по нашим атакующим порядкам. И если даже мне не удавалось их уничтожить, крупнокалиберные заряды, превращающие в каменное крошево прикрывающие их валуны, игнорировать было сложно.

Тем временем, боковым зрением я отметил, что в ствольную коробку заползает остаток ленты с последними патронами. И как только вместо выстрела послышался сухой щелчок бойка, а из ствольной коробки выпал конец пустой ленты, я немедленно приступил к перезарядке. По крайней мере, еще один короб с полностью укомплектованной лентой я нашел неподалеку, что позволило произвести все манипуляции в сжатые сроки. Процедура перезарядки “Утеса” мало отличалась от привычного для меня ПКМ. С той лишь разницей, что из-за более жесткой возвратной пружины, взводился он не напрямую, а через привод троса, с рукояткой на конце, как на стартере бензопилы.

Дальнейшее развитие событий мало отличалось от уже отработанного алгоритма. Я продолжил подавлять очаги сопротивления отступавших спецназовцев, предоставив своим однополчанам выцеливать тех, кто пустился в откровенное бегство. В результате до спасительного входа в ущелье удалось добраться единицам. Но преследовавший их по пятам отряд Аслан-Бека не оставлял сомнений в том, что вскоре им предстоит разделить участь своих соратников. Если у кого и имелись шансы уцелеть, то только у тех, что остались от группы, штурмовавших нашу вершину. Сообразив, что бой проигран, они решили уходить самостоятельно, не пытаясь объединиться с основным подразделением.

Проследив, как последний боец из этой группы скрылся из вида среди скалистого нагромождения, я обернулся к Мустафе. Что и говорить, выглядел он неважно. Тяжело дыша, он сидел, привалившись к обломку скалы, глядя на меня помутневшим взглядом. По крайней мере, в сознании, что само по себе уже неплохо. Чем следовало незамедлительно воспользоваться, потому как волочить на себе эту тушу вниз в бессознательном состоянии, одному нечего даже и братья. Повесив “Утес” себе за спину, я без слов помог подняться ему на ноги.

Когда с огромным трудом нам удалось добраться до места стоянки, следовало еще разобрататься, кто из нас нуждается в помощи больше. Встретившие нас бойцы приняли у меня уже с трудом передвигавшего ноги Мустафу, которого последние пару сотен метров я тащил практически на себе. Благодаря чему, хоть и шатаюсь от усталости, в лагерь я вошел с относительно независимым видом. Сгрузив “Утес” в Телегу, я в изнеможении опустился на землю, привалившись к колесу спиной. Аслан-Бек, молча наблюдавший эту картину, лишь одобрительно кивнул головой, вновь погрузившись в круговорот свалившихся на него забот. Но стоило мне немного отдышаться и прийти в себя, я сам обратил на себя его вниманье.

– Нужно уходить, и чем раньше, тем лучше, – не вдаваясь в долгие объяснения, как можно уверенней заявил я.

– Как думаешь, сколько у нас времени? – со свойственной прямоотой спросил он.

– Не более получаса, учитывая, что за это время желательно отойти отсюда как можно дальше, – так же прямо ответил я.

На что Аслан-Бек лишь задумчиво кивнул, вновь вернувшись к организационным вопросам. А дел у него хватало. Нужно было проконтролировать прием и сортировку многочисленных трофеев. Не говоря уже об его личном участии в отношении раненых бойцов, и тех, для

кого этот бой стал последним. Вопреки моим опасениям, в произошедшей заварушке погибло всего семь бойцов нашего отряда. Раненых было значительно больше, только как я успел выяснить, тяжелые ранения имели только трое, в то время как остальные могли передвигаться относительно самостоятельно.

Но даже столь незначительные на первый взгляд потери еще более снизили боеспособность нашего подразделения. Теперь численность нашего отряда составляла не более семидесяти человек. А тот факт, что практически половина бойцов имела ранения разной степени тяжести, напрямую влиял на его мобильность. Погибших бойцов размещали в неглубокой расщелине неподалеку, судя по активности саперов, где вскоре предстояла привычная процедура погребения путем подрыва. На мой взгляд, это было несколько излишне. По моим прогнозам, вскоре на это место будет сброшено такое количество взрывчатки, что можно не опасаться, что когда-либо вечный сон наших соратников будет потревожен.

Тем не менее, я предпочел оставить свои мысли при себе, решив присоединиться к общей работе по погрузке нашего единственного транспортного средства. При этом я обратил внимание на одну особенность в выборе трофеев, которую заметил еще в прошлый раз. По понятным причинам, предпочтение отдавалось наиболее “навороченным”, следовательно, более дорогостоящим видам вооружения. В то время как многочисленные образцы электроники полностью игнорировались.

Конечно, столь пренебрежительное отношение к сверхтехнологичным образцам оснащения спецназа можно было объяснить элементарным неумением с ним обращаться. Только тот же оперативный ноутбук, небрежно брошенный рядом с телегой, стоил никак не меньше чем самый навороченный ствол. Из чего следовало, что мои соратники не настолько “темные”, чтобы по собственной глупости позволить вычислить свое местоположение, позарившись на дорогую игрушку. Поэтому в телегу грузили в основном оружие и боеприпасы, а так же предметы, не имевшие никакой электронной начинки.

После недолгой молитвы, произнесенной Аслан-Бекком над телами наших погибших товарищей, последовал взрыв, заваливший место их упокоения. И так как сборы были уже закончены, затягивать с отправлением не было никаких оснований. Устроив тяжелораненых в телеге на порядком подросшей гряде трофеев, наш отряд покинул свой лагерь. И если быть до конца откровенным, зрелище при этом, мы представляли собой довольно унылое. Тем из бойцов, что не участвовали в передовом охранении, или не тянули Телегу, пришлось взять на себя заботу о помощи легкораненым. В результате чего колонна значительно растянулась, в зависимости от возможностей тех передвигаться даже с посторонней помощью.

Попытавшись занять место в “упряжке” телеги, я был категорично отодвинут своими более крупногабаритными соратниками. И в результате, конечно же, нашел для себя новый “хомут” на грани своих возможностей. Раненому в бедро Мустафе так же было предложено занять место в Телеге, на что тот ответил категоричным отказом. И так как вследствие его массивной туши и не менее тяжелого характера к моменту выхода никто не поспешил предложить ему своей помощи, это вынуждало сделать я. Как и ранее на позиции в горах, я помог ему подняться, после чего вновь выступил в качестве его костыля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.